

Иначе расставленные слова
обретают другой смысл,
иначе расставленные мысли
производят другое впечатление.

Блез Паскаль

САША ДЭА

ДЕВУШКА С ПОВЯЗКОЙ НА ГЛАЗАХ

Вы, знающая боль, столь верная в любви
останетесь во мне.

Санкт-Петербург
2008 г.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С22

Саша ДЭА

С22 «Девушка с повязкой на глазах»,/ —
СПб.: Реноме, 2008. — 128 с.

ISBN 978-5-904045-15-9

Два человека встретились в кафе. Две женщины. Они не знают друг друга. Но одной нужно сказать, а у другой есть возможность слушать.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Саша ДЭА, 2008
© Реноме, 2008

Я, конечно, очень грешна,
Но своей любовью я заслужу этот рай.

Юлия Бужилова

Посвящаю Книгу Силе.

Посвящаю Книгу Человеку,
который живёт в моём сердце.

«Я говорю с тобой, и не моя вина,
если не слышно. Сумма дней, намозолив
человеку глаза, так же влияет на
связки. Мой голос глух, но, думаю, не
назойлив»).

Иосиф Бродский

Данная книга
является художественным
произведением.
Но любое сходство
с реальными
событиями – чистая правда.

–Знаете... – она подошла ко мне совсем неожиданно.

–Да?

–Если смотреть на небо через прибор ночного видения, который используют в боевых действиях, то небо становится невероятно красивым. Вы в состоянии увидеть миллионы звёзд.

–Правда?

–Да. Прибор ночного видения реагирует на любое минимальное освещение и увеличивает его в несколько раз. Таким образом, пустое небо мгновенно может превратиться в усыпанное звёздами...

– ...

–Вы, наверное, думаете, к чему это я? Просто небо сегодня какое-то скучное.

–Не обратила внимания.

–Ладно, это не имеет значения. У Вас есть время?

–Как много Вам нужно моего времени?

–Много.

Я посмотрела на часы. Я никуда не торопилась.

–Я слушаю. Присаживайтесь, – я указала ей на стул.

–Я хочу попросить Вас о двух вещах.

Завяжите мне глаза.

Она достала из сумки чёрную повязку. Положила её на стол и пододвинула ко мне. Посмотрела на меня. Я взяла повязку.

–Но это будет выглядеть странно со стороны.

–Я знаю.

Я поднялась, подошла к ней и завязала повязку. Больше я не могла видеть её глаз.

–Зачем Вам это? – спросила я.

–Я хочу, чтобы Вы были ей.

–Что?

–Я хочу, что бы Вы были ей.

Я молчала.

Она молчала.

Она закурила.

Я молчала.

Я подумала, что не каждый день выпадает возможность стать кем-то другим.

–Хорошо, – согласилась я.

–Не удивляйтесь ничему, – добавила она.

Я кивнула.

–Я стою в белом платье...

ГЛАВА ПЕРВАЯ БЕЗВОЗВРАТНОСТЬ

1. Я стою в белом платье. Точнее нет, не в белом. Белое меня бледнит. Моё платье персиковое. Оно выглядит вкусно. Оно идеально подходит мне, или я подхожу ему? Вопрос, на который мне не хочется искать ответ.

Как долго, как тщательно я готовилась к этому дню. К этому торжественному, незабываемому дню, в котором я надена платье спокойно-оранжевого цвета, застегнув на спине длинный ряд сложных застёжек, и предстану неповторимо красивой перед всеми и перед тобой. Этот день что-то новое для меня. Открытие. А для тебя?

Я решила, что мы поговорим об этом завтра.

Моё бельё тоже персиковое. Оно тебе ещё не знакомо. Представляю нашу первую брачную ночь, где ты меня расстегиваешь, развязываешь, как долгожданный новогодний

подарок, и получаешь меня – верную и сладкую – но это позже. А сейчас я с лёгким макияжем, несложной причёской – кудри, по-прежнему, свободно лежат на плечах, в длинном роскошном платье и с букетом в руках иду к тебе навстречу. Ты в чёрном костюме, который я подарила тебе на праздник или не на праздник, не помню. Я смотрю на тебя и испытываю момент счастья. Твое лицо выражает, как всегда, спокойствие, но я вижу, как светятся твои глаза, что ты тоже чувствуешь этот момент. Мы становимся ближе, ощущая одно и то же. Что ещё нужно от жизни? Что может быть дороже этого дня и тебя?!

Вокруг наши друзья. Оказывается, нас знает так много людей. Все они пришли поздравить, порадоваться за нас. Разделить с нами наше счастье. Не правда ли, это приятно, но, вместе с тем, так удивительно.

Не смотря на отсутствие ЗАГСа и его работников, всё происходит не менее празднично. У нас свои законы. Один из друзей встаёт на стул и объявляет нас семьёй, мы расписываемся в какой-то смешной бумажке, которую я, без сомнения, вставляю в рамку и повешу в нашей спальне.

Наша спальня – это святое. Место, где мы дарим друг другу себя. В комнате светлые тона. Цвет мягкий, добрый. Цвет родной. Кровать большая. И... совсем не скрипит – она новая. Все стены в картинах, фоторамках. И вот прибавится ещё одна.

Позже эта бумажка (документ!) идёт по кругу – каждый из присутствующих на обратной стороне ставит подпись, каждый хочет быть очевидцем – так у нас с тобой не два, а двадцать два свидетеля. Каждый произносит тёплые слова, улыбается. Но в этом веселье и в этой беспечности мы надеваем настоящие кольца и по-настоящему любим друг друга.

Кто-то из гостей подносит к нам коробку (я совсем забыла о подарках!), открывает её, и оттуда потоком вылетают бабочки. Они садятся тебе на волосы, а одна мне на нос. Ты смахиваешь её рукой и целуешь меня. Бабочки вылетают и заполняют комнату. Разные: жёлтые, красные, зелёные, коричневые. Откуда их так много в этой коробке? Я никогда не видела столько бабочек. Все бабочки мира сейчас кружатся вокруг, приветствуя нас своими крыльями. Гости отвлекаются от музыки, от своих взглядов, от еды, от нас и устремляют своё внимание к этим созданиям. Теперь, когда внимание гостей на бабочках, мы с тобой вдвоём. Уже с кольцами на пальцах и навечно вместе. Моё счастье. Моя свадьба.

Моя несостоявшаяся свадьба.

Моё рухнувшее счастье.

Она замолчала. На мгновение мне показалось, что она сейчас встанет и уйдёт. А мне стало уже интересно.

2. Я стою в чёрном платье. Чёрное меня стройнит. Скоро день твоего рождения – на улице лето, поэтому, кроме строгого чёрного платья чуть ниже колен, туфель, которые все в грязи, тёмного шарфа на голове и носового платка в руке на мне ничего нет. Никогда не думала, что к твоим похоронам буду готовиться столь кропотливо, выбирая в магазине подходящий «наряд». Жаль, что ты меня не видишь. Несмотря на весь траур – я красива.

Наших друзей нет. Как моментально все разбегаются. По делам и не делам. Может быть, конечно, они все в отпусках, и тогда им можно простить отсутствие. Пришли только несколько человек. Якобы поддержать меня. Кого ты хочешь видеть на своих похоронах?

Меня хочешь?

Много твоих родственников, некоторых я даже не знаю, но мне не обязательно их знать. Отец твой, как всегда, скован и не даёт воли эмоциям. На его щеках ни слезинки, впрочем, как и на моих. В этом мы с ним похожи – в тайной истерике. А мать твоя не отходит от тебя. Она вся в слезах. Никогда не думала, что её любовь к тебе так сильна. Одна из ваших родственниц помогает ей стоять.

Я поодаль ото всех. Мне кажется, что все эти люди не нужны. Должны быть только я и ты. Они занимают слишком много пространства рядом с тобой. Люди подходят к гробу, и каждый целует твоё лицо, так же, как каждый из

наших друзей расписывался в бумажке, только сейчас каждый оставляет на тебе отпечаток своих губ. Я подхожу последняя – завершающая печать – наклоняюсь к тебе совсем белой и прикасаюсь губами к твоим холодным губам. Они неживые. Несмотря на солнце, я покрываюсь мурашками и мгновенно замерзаю. Я вожу языком по твоим губам. Хочу целовать тебя глубоко и долго, но не могу проникнуть внутрь – зубы сжаты очень сильно – мой язык не в силах с ними справиться. Я дышу так тяжело, что мне кажется, я не устою на ногах. Новые туфли жмут. В них набралось много кладбищенского песка. Песок между пальцев, под пяткой – везде. Он жутко натирает. Из-за уважения к мёртвым или просто из-за лени и бессилия я не могу снять туфли.

Наверное, в тот момент я сошла с ума, так как, если бы была во здравии, я никогда бы не позволила предать твой гроб или тебя земле (не имеет значения, теперь вы – ты и гроб – это единое целое). Несколько мужчин опускают «вас». Я сдержанно стою и наблюдаю за происходящим, за тем, как мать надрыдается, отец молчит, люди выпивают.

Всё это напоминает сцену из какого-то печального фильма, который мне не захотелось досматривать. Я нажала на кнопку пульта и сменила картинку на экране.

Но сейчас у меня под рукой только носовой платок, на котором нет кнопок.

Кружится голова. Уходите все отсюда! Дайте мне свободу от вас! Дайте свободу моей боли!

Тебя закапывают. «Украшают» твою могилу мёртвыми цветами – конечный штрих.

На кладбище безмерно много комаров. Они садятся на меня и питаются моей кровью. Я не замечаю их. Я замечаю только то, что тебя уже нет на поверхности земли.

Твои похороны.

Твои состоявшиеся похороны.

Девушка снова делает паузу. Я понимаю, что она даёт мне время воспринять информацию.

Я слушаю, и я знаю, что я – жива.

3. Наконец все забираются в мини-автобус, что бы ехать «праздновать» (или «отмечать») твои похороны. Все едут провожать тебя в последний путь, набивая свои желудки едой. Только я никак не могу увидеть связи между нашей пищеварительной системой и твоей смертью. Где-то заказан стол с яствами, но вряд ли там есть тарелка для меня. И даже если бы она была, я предпочла бы разбить её, нежели положить в неё салат «оливье» и съесть за твою смерть.

Все уезжают, правда, твой отец предлагает мне свою помощь, но я отказываюсь и прошу его уйти.

Я остаюсь одна. Мне больше некуда торопиться и больше не от кого скрывать свою трагедию. Я опускаюсь на колени, так как больше не в силах стоять, закрываю ладонями лицо – произвольный жест – и начинаю орать, а может быть выть. Не знаю. Я раскачиваюсь в разные стороны, произнося твоё имя и ещё какие-то нечленораздельные слова, пока у меня не пропадает голос. Из рта начинает вылетать только тишина. Когда у меня больше нет крика, я слышу своё сердце. Оно с бешеной силой отдаёт в висках, руках, ногах. Моя грудь сотрясается от его ударов. А твоё сердце я больше не слышу. Оно молчит. Оно за 3 метра от меня и оно уже начало свой путь разложения длиною в месяц. Через месяц его совсем не станет, впрочем, как и всех других твоих органов. Останутся только кости и кожа, и бактерии, медленно поедающие тебя, а точнее то, что от тебя осталось.

Забавно рассматривать твою смерть с медицинской точки зрения: кожа, кости, материя, бактерии, разложение – так, наверное, патологоанатом видит твоё тело. Отстраненно, спокойно выполняя свою работу. О чём я думаю? Боже, тебя – нет! По идее, где-то должна странствовать твоя душа. Тут – не-подалеку, но я её не ощущаю.

– Душа! Душа... – тихо произношу я.

По тому, что солнце уже зашло, я понимаю, что наступила ночь. Комаров стало меньше, так как поднялся небольшой ветерок. Мне становится холодно, и я укрываю плечи шарфом с головы. Неплохо было бы уснуть и замёрзнуть, чтобы меня через несколько дней нашёл сторож или «посетитель» кладбища, искусанную (или, точнее, съеденную) комарами, мошками и муравьями, но вряд ли это возможно в летнюю ночь.

Я не хочу уходить – мне не к кому идти. Я не хочу оставаться тут, так как совсем не чувствую твоего присутствия, только если не брать в расчёт твою фотографию, где ты, улыбаясь, смотришь на меня. Я люблю твою улыбку. Эта фотография была сделана мной. Я хорошо помню тот день. Или я не помню тот день, а помню только тебя? Мысли скачут, мысли путают всё. Я не могу размышлять. Я теряюсь. Не верю в смерть твою.

Что я делаю на кладбище?

4. Ноги затекли. Надо встать. Утро наступает так же неожиданно, как настала ночь. Неужели я так долго просидела здесь? Трогаю своё лицо и понимаю, что оно уже сухое. Слез больше нет, а глаза болят. Я закрываю их, чтобы они отдохнули, и понимаю, что меня клонит в сон. Спать не надо.

Я совсем одна. Одна наедине со своей трагедией. Мне кажется, а точнее, я чётко ощущаю, что не в силах выдержать этого давления. Давления жизни. Жизнь – она старше меня, она мудрее, она опытней, поэтому она сильнее меня. У нас неравная борьба.

Пойти, что ли, к сторожу, и поведать ему о своей потере? Только, скорее всего, он спокойно мне скажет, что все мы умираем. Он и сам, наверное, работая на кладбище, приготовился к смерти и давно уже знает место, где его похоронят. Кто-то с работы таскает пластилин или бутерброды, или пользуется принтером, или объедается мармеладом, или смотрит бесплатно кино, а ему как работнику отведена площадь – «работа на кладбище с пожизненной (или, точнее, посмертной) пропиской». В этом тоже, наверное, есть своя прелесть.

–Это была боль. Боль. Настоящая.
Она закурила.

Становится тяжело. Тяжело воспринимать то, о чём говорит она. Всё серьёзней. Сложнее.

Я взяла со стола салфетки и начала писать.

–Что Вы делаете?

–Пишу.

–Зачем?

–Чтобы не забыть.

–...

–...

–А какие Вы любите цветы?

–Я люблю синие цветы. («это имеет какое-то значение?» - думаю я)

–Я не люблю ромашки.

ФАТАЛЬНОСТЬ

5. Ромашка не предназначена для того, чтобы гадать «любит – не любит», когда некого любить. Моя любовь ушла на 3 метра под землю, и это безмерно далеко. Дальше, чем можно себе представить. Дальше Марса, Сатурна и даже Плутона.

Ромашка предназначена для того, чтобы определить, в каком веке я живу. Если в XX, то у меня ещё есть возможность тебя спасти, а если в XXI, то всё упирается в твоё надгробье.

6. Почему я не родилась чернокожим мальчиком где-нибудь на востоке Африки в большом (или маленьком) племени? Где мне пришлось бы бегать в пальмовых ветках, с ранних лет ходить на охоту за дикими шакалами, пасти африканских коров, которые отличаются от наших не только внешностью, но и длиной похожих на лиру рогов, танцевать ритуальные танцы, радоваться дождю – в этом бы и заключался смысл моей обыденной, но счастливой жизни. А когда кто-то бы умирал, всё племя сжигало бы его тело и пускало прах по воздуху, и я свято верил бы в дальнейшее продолжение этого человека и спокойно жил бы дальше, ходя на охоту и танцуя танцы. Я женился бы на худенькой негритянке из другого племени и нарожал бы кучу детей, которые так же, как я, как мои отцы, мои деды и мои прадеды, бегали бы в пальмовых ветках. А состарившись, я сидел бы на стуле, окруженный внуками, под паля-

щим солнцем, рассказывая им сказки и разные истории. После моей смерти тело мое сожгли бы, и прах мой был бы распушен по воздуху. Чтобы я продолжался.

Почему я не родилась чернокожим...

7. Почему я не родилась комодом? Старинным, древним, в который какая-нибудь молодая невинная девушка с тонкими, музыкальными руками складывала бы одежду, пропитанную её запахом. На мне лежали бы дорогие украшения, и я каждый день видел бы, как моя хозяйка переодевается, закрывая комнату на ключ, опасаясь, что за ней кто-нибудь подглядывает, не зная, что я постоянно наблюдаю за ней.

А когда вечерами она играла бы на фортепиано, я – старый комод – наслаждался бы звуками, вспоминая её мать, которая тоже когда-то была молодая, которая так же складывала в меня вещи и которая тоже наизусть знала Моцарта, Бетховена и Баха.

А потом, когда её отец привёл бы в комнату молодого человека, я попрощался бы со своей хозяйкой и запахом её юности. Может быть, меня оставили бы до следующего поколения, или отдали бы в комнату служанки, или выкинули бы на помойку из-за сломанного нижнего ящика. На помойке в меня бы забиралась старые коты, или какие-нибудь бездомные в морозный день разломали бы меня на дрова и предали бы огню, согревая свои грязные, вонючие тела моим теплом.

8. Почему я родилась собой, стоящей на кладбище с ромашкой в руках?

Я выдёргиваю последний лепесток, который указывает мне на XXI-ый век, и я понимаю, что тебя не спасти. Или только делаю вид, что понимаю. Жизнь разделилась на два этапа: один – это жизнь, наполненная тобой, а второй... Я даже не знаю, как назвать этот этап – он сейчас. И он тоже наполнен тобой. Насколько разное наполнение...

Пустоты нет. Переполненность болью. Что я чувствую сейчас? Я понимаю, что мне нужно заново учиться ходить, есть, улыбаться, говорить, учиться заново жить. Почему я не могу вызвать у себя амнезию, вырезать кусок жизни и спокойно продолжаться? Или могу? (Единственная здравая мысль за последнее время). Задам этот вопрос себе позже. Сейчас слишком сложно.

9. Надо идти домой.

10. Платье в грязи – земля на кладбище сырая. Я иду к выходу и встречаю первых утренних «гостей». Они смотрят на меня с жалостью и интересом, рассматривая пятна на моём платье, мои уставшие глаза, мои ноги, еле передвигающиеся в чёртовых туфлях. Мне безразлично. Я тоже иногда смотрю на них пустым взглядом, тяжело поворачивая голову в ту или иную сторону. В основном мой взгляд направлен на землю, чтобы не споткнуться и не упасть.

Кого они видят во мне? Вдову? Старую, измученную вдову с изношенным лицом?

Кого в ней вижу я?

Она на удивление спокойна. Она хорошо выглядит. Она уверена. Она пахнет дорогим парфюмом. Её руки ухожены.

Я смотрю на её руки.

–У Вас, наверное, закончились салфетки? – с еле заметной улыбкой обращается она ко мне.

–Закончились. Можно я достану блокнот?

–Да.

–...

–А потом я начала предполагать.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

11. Твой последний день остаётся мне неизвестным.

Ты проснулась. Был солнечный, приятный день. Тебе захотелось скорее выбежать на улицу и бродить по дорогам в замечательном настроении, улыбаться прохожим и сочинять позитивные песни. Небо было голубое-голубое. Ты подумала о том, что никогда не видела такого неба...

Нет, не так.

Ты не спала всю ночь, поэтому ты не просыпалась. День оказался жарким, душным и противным. Он наводил лень и тоску. Всё как-то не заладилось. Настроение было грустное. Ты читала книгу...

Или всё было совсем по-другому? Был обычный день, как сотни других. Ты встала, умылась, сняла с себя пижаму с тиграми и надела джинсы и рубашку. Потом ты перекусила яичницей и побежала по делам. Общались с какими-то людьми, шутила, что-то придумывала. Ты опоздала на автобус. Опоздала на встречу...

Может, всё было так?

12. Твой последний день остаётся мне неизвестным. Что ты делала, куда ходила, с кем говорила. Знаю, что ты была с ней.

С ней.

Выстрел.

Выстрел.

Ещё один. Десятки выстрелов. Я ранена. Я расстреляна внутри. Она прекрасная, легкая, беззаботная. Такая же, как бабочки в коробке. Но она не безобидна. Она лишила меня последних минут с тобой. Бесценное время. За это я её так остро ненавижу. За её случайное нахождение с тобой. За то, что если бы тогда она не украла тебя, я смогла бы тебя спасти. Предприняла ли она что-то, что бы не допустить твоей смерти?

Она не пришла к могиле. Только не оправдывай её, не говори мне, что она не знала... Я лично написала ей. Но она не пришла. Впрочем, её никто не ждал. Она не нужна. Она, укравшая твои последние минуты, не смогла найти в себе силы попрощаться с тобой. Я пропитана ненавистью к ней, которая граничит с любовью к тебе. Теперь мне осталось забрать у неё эти минуты. Я заберу.

Я рада. Если я способна чувствовать помимо боли ненависть – значит, я живу. Чувство ненависти делает меня тверже и питает меня силой. Нельзя не ненавидеть.

Слишком неожиданный поворот. Я не была готова.

– Ненависть? – переспрашиваю я.

– Да.

На улице начался дождь. Мгновенно. Людей в кафе стало больше. Стало шумно. Она начала говорить тише.

13. В последние минуты я была рядом с тобой...

В зале, где никого, кроме нас, не было, играла музыка.

Ля-ля-ля. Ля-ля-ля. Ля-ля-ля. Ля. Ля-ля. Помнишь? Наша любимая мелодия.

Мы бесконечно долго кружились в танце, улыбаясь друг другу. Мы чувствовали близость и легкость. Ты вела меня. Я расслаблялась. У меня кружилась голова от невесомости. Музыка была в нас. Я доверилась тебе, твоим рукам. Мы не останавливались – ведь так гармонично – наш танец. Бокал шампанского где-то на столе, и мне хорошо.

Только в тот момент я не предполагала, что это твои последние минуты. И ты не предполагала.

Я помню наш танец.

14. Я не знаю, что произошло на самом деле. Сейчас мне не нужно этого знать.

15. Когда размышляешь, время бежит очень быстро. И вот я уже далеко за пределами кладбища.

А может быть, я была не на кладбище, а на прогулке? Сейчас я приду домой, а вечером придёшь ты. Я приготовлю что-нибудь вкусное (надо зайти в магазин, купить продуктов). Ты удивишься накрытому столу и наверняка спросишь, какой сегодня праздник, а я отвечу, что праздника нет, что мне приснились твои похороны, и я так испугалась, так испуга-

лась... Что я очень тебя ждала с работы, что не смогла бы пережить твою потерю, что весь день думала об этом страшном сне и безмерно рада, что ты сейчас со мной. Что после этого кошмара я поняла, как ты мне дорога, что ближе тебя у меня никого нет. Я счастливая просто от того, что ты вернулась с какой-то там работы, на которую ходишь каждый день. Я, наконец-то, произнесла бы, что люблю тебя...

Я буду целовать тебе руки и плакать.

–Ну что с тобой? – удивишься ты.

–Ужасный сон такой... понимаешь? – тихо буду повторять я.

Я буду целовать тебе руки и плакать.

Ты обнимешь меня и успокоишь. Скажешь, что сон – это просто сон, что ты – рядом. Мы будем стоять, обнявшись на кухне, пока не засвистит чайник.

Мы сядем за стол, и ты будешь есть приготовленную мной еду – так приятно смотреть на тебя. Ты держишь вилку совсем не так, как я. Я опасаясь, что моя стряпня была неудачной, но нет. Всё – вкусно. Тебе понравилось, и ты попросила меня почаще готовить...

Конечно, я буду готовить тебя.

16. Прогулка? Нет.

Я вышла с кладбища.

Троллейбус, автобус, трамвай, метро. Я еду, как мне кажется, по направлению к дому. Думаю, что я – в метро. Оно большое – я не должна его ни с чем спутать.

Вокруг люди. Я чувствую себя совсем маленькой. Я чувствую себя открытой, обнажённой перед ними. Я честна в своих эмоциях, как ребенок. И не важно, что я сейчас молчу, что я сейчас не плачу от отсутствия слёз. В горе не задумываешься о том, как ты выглядишь. В горе ты настоящий. Все люди спрятаны за взглядом равнодушия, за книгами, за разговорами, а я сижу обнажённая. Мне холодно. Я замерзаю. Моя душа простыла.

–Вы не устали слушать?

–Нет.

–И вот в этот самый момент, находясь в метро, я поняла важную вещь.

–Какую?

–Такое случается. Берёт и происходит. Как ломается машина в неподходящий момент, и ты на работу не успеваешь.

Бог засыпает. Богу тоже надо спать.

Умирают. Неприятность, конечно, но такое случается.

Она закурила.

ГЛАВА ВТОРАЯ ОБОНЯНИЕ

17. Этот запах я узнаю из тысячи. Из тысячи различных запахов: горьких, сладких, твёрдых, нежных, тёплых, лёгких, холодных, вкусных, весенних, осенних, свободных, тяжёлых - я узнаю этот запах. Он заставляет меня поднять глаза и увидеть девушку, которая оживлённо разговаривает со своей подругой, не зная (и даже не предполагая), что на ней духи, которые я ненавижу. Хочется встать и пересесть на другое место или закрыть себе нос. Но встать не могу.

Я вижу её, мою жертву, в этом запахе.

18. Я сажусь на её кровать. Она спит. Её спящий вид ничего во мне не вызывает. Ни умиления, ни злобы. Ничего.

Спит.

Не имеет значения, как я смогла так близко к ней подобраться. Но я явно нарушаю её личное пространство. Я перешла границу. Я зашла в её область.

Как это происходит в фильмах? Убийца – зверский, пугающий – я совсем не подхожу под это описание – хватает подушку и, накидывая её на жертву, душил. У меня всё иначе. У меня всё намного проще. Я упираюсь руками ей в горло, давя со всей силы. Мне приятно делать это своими руками и чувствовать её умирание подо мной. Переложить ответственность на подушку – слишком слабо. В момент она открывает глаза и в непонимании и ужасе смотрит на меня. В её взгляде есть ещё боль и незащищённость. Я смотрю на неё в ответ, а во мне по-прежнему ни жалости, ни спасения для неё. Ничего. Она болтает ногами и упирается своими руками в меня, иногда замахивается и совсем слабо ударяет. Когда она открывает рот, чтобы что-то сказать, скорее всего, умолить о пощаде, душил становится легче. Она пытается вдохнуть, издавая при этом еле слышные звуки. Я не могу оценить свою силу. Постепенно её руки совсем перестают меня ударять. Их сводит несильными судорогами, глаза закатываются, и она умирает. Я убираю руки и встаю с кровати. Ни сожаления, ни страха. Ничего.

На мне лишь отпечаток её смерти. Надо просто вымыть ладони и отпечаток смывается.

19. Двери открываются. Двери закрываются. Двери открываются. Двери закрываются. Двери, двери... Бесконечный круг.

20. Запах выходит.

Я возвращаюсь в вагон и ловлю на себе взгляды. Неужели они видят мои мысли? Неужели они видят во мне убийцу, или они просто так шастают по мне глазами, изучая немногие морщинки на моём лице? Или они удивляются тому, что я делаю днём в чёрном грязном платье в метро?

Или они только что стали свидетелями безжалостного убийства?.. и каждый взгляд пытается осудить меня? Неужели я смогла совершить преступление на глазах у десятков людей? Странно, но это меня сейчас интересует меньше всего. Меня интересуешь ты. Твоё бесконечное отсутствие. «Бесконечное отсутствие» – для меня это пока просто словосочетание. Я не в состоянии оценить, принять значение этих двух слов. Мне страшно задумываться об этом смысле.

21. –Вы признаёте свою вину?

–Какую вину?

–Вы задушили человека.

–Задушила.

–Вы сожалеете о содеянном?

–Нет.

Тишина наполняет зал. Мой адвокат надёжно опускает голову, потом встаёт и просит перерыв. Адвокат – безмерно умная

женщина, любящая меня. Она слишком сильна, чтобы показывать своё волнение, но сейчас она ходит взад и вперед по коридору. Я молча наблюдаю за ней. Она понимает, что просить меня врать – бесполезно. А ещё она намного чётче, чем я, понимает, что мне грозит.

Перерыв заканчивается. Мы не обменялись с ней ни словом – мы и так понимаем друг друга. Снова заходим в зал суда. Адвокат ведет дискуссию с судьёй, а я даже не слушаю, не улавливаю суть их разговора. Странно, но мне больше не задают никаких вопросов, меня просят выйти. Я радуюсь, что мне не приходится врать, что-то придумывать и как-то себя оправдывать. Я сижу в коридоре. Я совсем не волнуюсь. От скуки начинаю читать вывески о преступниках и узнаю, что разыскивается некий Виктор, убивший трёх женщин, некий Юрий, некий Владислав...

Если сейчас я убегу, я тоже, наверное, буду разыскиваться. И буду висеть на этой доске. Но убегать мне никуда не хочется. Эти разбирательства. Эта формальность. Скучно.

Адвокат возвращается ко мне, устало садится рядом и со слабой улыбкой произносит:

–107-ая¹...

По тому, как она это сказала, я понимаю, что данный приговор – самое лучшее из того,

¹107 статья УКРФ – убийство, совершенное в состоянии аффекта.

что могло бы быть. Я благодарю её, но даже не интересуюсь, что означает эта статья, осознавая, что у меня впереди полно свободного времени, за которое я смогу выучить наизусть не только Уголовный кодекс, но и ещё большое количество полезной литературы.

22. Двери закрываются. Моя станция остаётся за дверями. Или не моя? Я всё прослушала.

–Вы ненормальная, – говорю я.

–Возможно.

РЕАЛЬНОСТЬ

23. Вернулась в свой дом – в однокомнатную квартиру у самой крыши с частично стеклянным потолком (мечта идиота), сквозь который видны звёзды и космическая бесконечность. Правда, сейчас, летом, когда солнце в зените, бывает слишком душно, так как лучи попадают прямо в комнату.

Квартира, которую я никогда не брошу. Это место, где я творю, упиваясь своим творчеством.

Люди могут меня найти практически везде. Я – в их поле зрения. Поэтому эта квартира остаётся для меня укрытием, убежищем. Есть десятки других мест, куда приходят, чтобы пообщаться со мной. Пообщаться со мной взглядом.

Я вернулась в свой дом. Мобильный телефон предательски сообщает о том, что пропущено много вызовов – меня потеряли. Меня ищут. Что ж, радует, что я кому-то нужна. На сегодня (или это было вчера?!) у меня назначена встреча, надо бежать на выступление – меня ждут. Но я никуда не пойду. Сейчас не тот момент, когда я могу сидеть на стуле (лежать на полу, парить в воздухе, стоять без движений) и беззаботно вещать какие-нибудь мысли пришедшему народу. Поэтому остаётся только позвонить и предупредить о моём отсутствии. На меня разозлятся, на меня обидятся, на меня не станут больше приходить – какая мелочь... Мелочь в кошельке, мелочь в жизни.

Это был переломный момент. Отказ от людей, которые меня ждали.

Я обвинила себя в слабости.

Потом меня простили. Я перенесла выступление. Было страшно, когда я поняла, что не иду в театр,

что я не иду к своей сцене.

24. Сейчас, когда я освободила себя от всех дел, я могу вспомнить то, о чём не задумывалась уже много лет. Дела выползали на первый план, перекрывая всё ценное. И вот теперь, когда тебя нет, остались эти самые дела, совсем мне ненужные.

Вспоминая прошлое, понимаю, как много усилий и желаний было вложено хотя бы в одно такое выступление. Как я читала, жила на сцене, придумывала сумасшедших людей, чтобы на меня обратили внимание, любила этих героев. Как я хотела, чтобы ты тоже их любила.

А ты любила меня...

Ты могла разглядеть меня за масками моих персонажей. Ты всегда знала, где моё лицо.

Если бы ты видела, что стало с моим лицом, что во мне не осталось ни одного героя, что я забыла все их имена.

Сейчас меня приглашают так часто, как мне бы этого хотелось. Я знаю фигуры.

Я знаю фигуры.

Свои, чужие, фигуры тех, кем я могу быть. Меня хотят видеть и слышать. Даже эта квартира, которую я безмерно люблю, продукт моей известности. Могу ли я назвать себя известной? Я часто задаюсь этим вопросом. Меня не узнают на улицах.

Меня узнают на сцене.

Только сейчас я поняла, почему она так уверенно держится. Я слышу боль в её голосе, но внешне она безмятежна. Лишь изредка её брови поднимаются, лишь изредка она слабо улыбается мне.

–Вы играете в театре?

–Играла.

–А сейчас?

–Вы знаете, что такое жизнь?

–Жизнь?

–Да, жизнь. Жизнь. В ней встречи и улыбки. В ней так много всего на любой вкус. Разнообразное меню из кино, любви, дружбы, ремонта, безделья, дачи, животных разных, слёз, знакомых. Живём. Дышим. А потом – бац! – и всё.

Ломается механизм. Ни животных, ни встреч, ни улыбок, ни ремонта, ни веры. В момент. В секунду. Рвется. Останавливается. Клиническая смерть жизни.

В театре нет смерти. Театр перестал быть для меня жизнью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ЭТАПЫ

25. Просто отключится. Просто уснуть. Просто забыться. Просто начать другую жизнь. Как просто!

26. Я сижу в кресле. От усталости, видимо, засыпаю. Во сне происходят странные вещи. Во снах всегда всё по-странному.

Сон не помню.

27. Начался период, когда я теряюсь во времени, в сутках, когда я не понимаю, что происходит. Я закрылась на своём «чердаке», и никого не пускаю сюда. Наличие людей удивляет.

Они ходят по улицам.

Они ходят.

Чёрт, они ходят слишком живые.

Я видела столько жизни только однажды. На берегу, где не было людей, где вода рассказывала мне о жизни.

Телефон отключен. Можно было бы его выкинуть, но он часть моей работы. А позже, я думаю, я всё-таки вернусь...

Сколько человеку нужно, чтобы вернуться? День? Два? Неделя? Месяц? Год? Я не знаю, когда вернусь.

Хочу вернуть тебя. Пойти, что ли, откопать тебя?

Хочу убить её. Пойти, что ли, застрелить её?

У меня достаточно времени всё продумать. Здесь я одна – никто не увидит моего плана. Осторожно, шаг за шагом, выстраиваю свои мысли. Насколько хорошо у меня это получается, не берусь судить, но так я отвлекаюсь.

Нужно занять свои руки. У меня есть гуашь. Детская коробочка гуаши с девятью цветами. Я рисую. На листе бумаги образуется такой же беспорядок, как в моей голове. Я беру новый лист – очередной беспорядок. Из всех цветов использую только три: чёрный, синий и коричневый. Когда мне надоедает водить кистью по бумаге, я направляюсь на кухню. На кухне есть картошка. Я ставлю ведро, беру нож и начинаю чистить овощ. Несколько килограммов картошки. Я, не осознавая монотонности своих действий, срезаю кожуру.

Картошка заканчивается...

ОБЩЕНИЕ

28. Сколько прошло времени?

День? День без тебя.

Неделя? Неделя без тебя.

Может быть, прошло всего несколько часов?

Мне только и остается, что задаваться вопросами о времени. Я, по-прежнему, сижу, закрытая у себя в квартире. Меня никто не закрывал. Я не могу смириться. Я не могу принять. Я пишу тебе письма...

29. Восхищаюсь нашим человечеством, которое изобрело бумагу, ручку и речь.

Машина, часы, мотыга, ракета, а для меня самым главным изобретением стало письмо. Я даже сейчас могу общаться с тобой и писать тебе.

Отдушина. От души.

Я пишу тебе письма...

Письмо №1.

Здравствуй.

С тех пор, как тебя не стало, прошло какое-то количество времени. Я не успеваю за этим временем, или, наоборот, вязну в нём.

Только ты не пугайся. Наверное, ты не знаешь, о том, что тебя нет. Ведь душа не в состоянии осмыслить, что тела больше нет. Душа знает лишь о своём существовании. Ты не бойся.

С тех пор, как тебя не стало, вокруг нечего не изменилось. Всё как всегда. Лето. Отдых. Жара. Пот.

Птиц развелось великое множество – наприлетали отовсюду. Ходят у меня по крыше, и я каждую ночь (день, утро, вечер) слышу их шажочки – маленькие такие, суетливые. У них там – надо мной – своя жизнь, со своими страстями, ссорами, любовью, со своими мелкими проблемами и птичьим гриппом. Ты знаешь, как чихают птицы? Иногда, когда очень тихо, я слышу, как чихает какой-нибудь старый, больной голубь. Я часто поднимаюсь на крышу, тогда только самые смелые представители птиц смеют оставаться рядом со мной. Со мной, которая залезла на их территорию. Они не могут меня прогнать. У них не хватает сил. Или у них не хватает ума, чтобы собраться большой стаей и обрушить на меня своё негодование за то, что я пришла к ним.

С крыши мне всё видно. Правда, я не знаю, что я хочу увидеть, поэтому мне видно всё.

Недалеко от моего выхода на крышу есть ещё один. Но я никогда не видела своего соседа. Он не поднимается сюда. А может быть, там вовсе никто и не живёт? И вся крыша принадлежит мне да голубям, точнее, сначала голубям, а потом мне...

Люди мечтают жить так – с видом на небо, а я настолько привыкла, что не могу представить, что можно жить как-то иначе. Начала забывать свои квартиры на вторых и третьих этажах.

Тебе так и не удалось побывать здесь. Я приглашала тебя несколько раз, но ты не приходила. Я знаю, тебе бы понравилось. И, возможно, ты бы осталась тут навсегда...

О чём тебе ещё рассказать? О моих встречах? Или о моей простуде? Мне кажется, я заболеваю. Смешно, наверно, летом простудиться.

У меня всё хорошо.

Письмо №2

Здравствуй.

.....

У меня всё хорошо.

Письмо №3, №4, №5, №п...

У меня всё хорошо, всё хорошо...

30. Я пишу тебе письма. И вру в каждом письме о каком-то «хорошо». Я не хочу тебя расстраивать. Не хочу говорить о том, что я забросила свою работу, забросила героев, забросила себя. Тебе не стоит этого знать. Тебе не стоит переживать. Вдруг ты этого не переживёшь?

Я пишу тебе письма. Отношу их на кладбище. Выкапываю на твоей могиле ямку и зарываю туда конверты. Иногда натываюсь на закопанные мной ранее письма, вижу, что они не вскрыты, значит, ты их ещё не прочла. Думаю о том, как радостно тебе будет получить сразу пачку моих писем.

Многие могилы мне уже знакомы. Я узнаю лица. Иногда я гуляю по кладбищу и смотрю даты. И ты знаешь, совсем недалеко от тебя лежит (спит, пребывает, находится) человек, который родился вместе с тобой. Умер он, правда, уже несколько лет назад. Но на его могиле всегда свежие цветы. Его помнят. Только я ещё ни разу не видела той, которая приносит ему эти цветы.

Некоторые могилы совсем заброшены. И мне становится так жалко тех, кто волей судьбы закопан и «обделён» вниманием.

Тебе я не ношу цветы. Ты же их не любишь. Их приносит кто-то другой.

31. Так проходят дни.

Дни ничем не наполненные. Пустые, неинтересные, одинаковые. Больные дни. Дни, в которых я пытаюсь оживить себя.

Я начала молится.

Я просила у Бога спокойствия, смирения. Я просила у Бога добрых ночей. Я начала читать Библию (в который уже раз!). Мне всегда эти 900 страниц казались бесконечными. Но я стала читать, пытаюсь открыть для себя истину. Вскоре я поняла, что заставляю себя. Я бегаю глазами по строчкам, ничего толком не улавливая. Я, наверное, к Библии вернусь позже.

Или не вернусь.

И, кажется, я прошу так немного. Я засыпаю с надеждой, с верой в новый день.

Я просыпаюсь с болью, разбитой головой и тобой во сне.

А Бог так и не проснулся.

Я перестала молиться.

Мой компьютер я не включала уже давно. Привычка набирать текст мгновенно куда-то делась... Испарилась, как неведомый зверюшка. Привыкаем, отвыкаем. Я привыкну.

–Вы привыкли? – спросила я.

Мне показался этот вопрос слишком прямым, твёрдым.

–Я вбираю в себя осознание того, что это прошло, – она опустила голову. – Я жила в этом, а теперь я живу в настоящем. И это настоящее другое. Мы сидим с Вами в кафе. За окном дождь, да? Через несколько секунд я буду уже в иных мыслях, и я осознанно на это иду.

Я зашиваю себя.

Я привыкну.

Я излагаю тебе всё в письмах, а для этого мне нужны лишь чернила и бумага. Много чернил и много бумаги. Меня посещает мысль, что мне стоит возвращаться. Возвращаться в нормальное (хотя теперь, слово «нормальное» представляет из себя что-то совсем непонятное. Нужен словарь) состояние, но во мне разлом.

Так проходят дни.

32. Дни – это время.

Время – это свобода.

Теперь у меня столько свободы, что я не знаю, как ей распорядиться. Изобилие свободы – это невыносимо. Я напоминаю себе заключенного, который просидел в тюрьме больше пяти лет и вот теперь, когда его освободили, он стоит на улице, и у него полно свободы, а что дальше – он не знает. Свобода слева, свобода справа, свобода впереди и больше не надо спрашивать разрешения сходить в туалет. Свобода долгожданная и восхитительная, но что с ней делать?

Я дарила себя тебе, я творила, я встречалась с людьми, а сейчас я как этот заключенный, тонущий в просторах своей свободы. Надо выбираться.

И платье мне уже совсем не нужно. Порезать его на носовые платки. Насморк приходит и уходит, а платки заканчиваются.

- Кстати, эта повязка – кусочек того платья.
- Время лечит, – говорю я.
- Нет. Из времени плохой доктор. Мы сами себя лечим. А время...Время учит.

Она закурила.

БЕЗ ВОЛОС

33. В свободе можно вспоминать: я слышала, что чем длиннее волосы, тем больше на них скапливается негативной энергии. На кончиках волос – вся тяжесть. Так зачем же я таскаю на себе такой груз?

Сейчас принимать решения очень просто, поэтому я беру ножницы и прядь волос. Напоминаю себе ребёнка трёх лет, который экспериментирует с новой игрушкой, и смеюсь над своим отражением.

Неужели я и вправду верю в то, что распрощаюсь со всем негативным?

–Верю, – твержу я себе и режу всё новые и новые пряди. Волосы падают на пол, и я совсем о них не жалею. Пройдёт немного времени, и будут новые...

Волосы – самое мелкое, о чём можно жалеть.

Смотрю в зеркало. Разглядываю новый «имидж». Я обкромсала себя очень небрежно. Срезав волосы, решила отгородить себя от прошлого. Удивляюсь своему отражению. Нравится мне или нет – не могу понять, но так мне комфортней. Комфортней внутри.

Ещё там, на кладбище, я почувствовала, что часть меня отделилась и осталась вместе с тобой, с моими слезами ушла в землю. Ме-

ня уже не будет, точно так же, как не будет тебя. Я пытаюсь родиться по-новому, но я зас-
тряла где-то в утробе. Темно. Наверное, так
же, как у тебя.

34. Можно в мыслях просидеть бесконечно.
За пределами этих стен что-то происходит,
независимо от меня кто-то как-то движется, а
я нахожусь здесь, окружённая волосами и
смотрящая в зеркало на «нового» человека.
Новый человек (новое настроение, новый путь,
новое притягивает, Новая Зеландия). Новый
человек. Здравствуй.

Тикают часы. Наверное, где-нибудь тикают
часы. В моей комнате их нет. Точнее они
электронные и спокойные. Я случайно наты-
каюсь взглядом на них и понимаю, что уже
вечер, а в окне-потолке по-прежнему светло.

Прикасаюсь к своей голове – ощущение
незнакомое. Шее легко. Теперь, я знаю, все
будут по-новому на меня смотреть. Удивлять-
ся и спрашивать, зачем я подстриглась. Кто-
нибудь скажет, что мне так хорошо, а
прохожие даже не смогут представить меня с
волосами длиннее...

–Я не могу представить Вас с длинными
волосами.

–Не представляйте.

Можно так просидеть бесконечно. Поэтому я поднимаюсь, что стоит мне немалых усилий, беру деньги и выхожу на улицу. Странная штука получается: куда бы ты ни пошёл, в какой бы закоулок ни зашёл везде эти парикмахерские «Наталья», «Ольга», «Красота», «Мадам», а сейчас, когда мне так нужен хоть один салон – его нет. Я иду прямо по дороге и читаю каждую вывеску. Наконец-то натыкаюсь на женское лицо – первый признак парикмахерской. Я захожу внутрь. Меня осматривают, точнее то, что у меня на голове и смущённо улыбаются. Они явно хотят знать, кто надо мной решил так подшутить. Я читаю в глазах этот вопрос и не вижу смысла их томить.

– Я взяла ножницы и постригла себя... Если вам смешно от этого беспорядка на моей голове, вы можете смеяться вслух. Так будет честнее.

После этих слов девушки сразу стали серьёзными, и ни о какой улыбке больше не шло речи.

Подстригли меня быстро. Я даже не успела привыкнуть к креслу, в которое меня посадили. Не успела привыкнуть к своему отражению в большом зеркале, не успела привыкнуть (или запомнить?) к лицу девушки, которая меня ровняла.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ СБЛИЖЕНИЕ

35. На рынке всегда есть подпольные магазины. На вокзале тоже есть подпольные магазины. Создается впечатление, что всё приспособлено для жестокости. Мне нужно оружие. Нужен пистолет. Тогда я смогу, увидев её, сделать выстрел и покончить с ней в моей голове. Верно отомстить за тебя. Кровная месть.

Или не стоит стрелять? – это будет слишком благородно с моей стороны. Слишком мягко. Слишком добро. Слишком просто.

36. Мне звонят в дверь, прерывая мои мысли. Сначала думаю, что мне кажется, но, когда звонок повторяется, понимаю, что кто-то действительно стоит за дверью. И это не удивительно, ведь я нигде не появляюсь уже несколько дней (недель?).

Этому «кому-то» явно что-то нужно от меня, так как он звонит хоть и не настойчиво, но довольно-таки долго.

А я курю. Не мешайте мне, когда я курю. Когда курю, я расслабляюсь. Я могла бы, конечно, заливаться слезами, но предпочитаю сигареты.

Мне звонят.

Подождите.

Дайте мне спокойно докурить, и если вы настолько сильно нуждаетесь во мне, что не уйдёте еще несколько минут, то я вам открою, хотя бы потому, что меня поглотит интерес.

А сейчас – я курю. Я пытаюсь выкурить тебя. Задохнуться дымом, чтобы отключится от бесконечного потока мыслей.

Если телефон я могу выключить и оградить себя от внешнего мира, подпуская к себе только птиц на крыше, то дверь, к сожалению, я заклеить не могу. Хотя бы потому, что у меня нет клея. Есть скотч. Он заканчивается. Его не хватит.

37. Я открываю дверь.

Я вижу твою маму.

Хрупкая, измученная твоей потерей и выходками твоего пьяного отца, она стоит на пороге, как-то совсем по-новому смотря на меня (не берусь описывать этот взгляд, ибо во взгляде этом было всё). Я, удивлённая её при-

ходом (и в первую очередь тем, как она меня здесь нашла), приглашаю её в дом. Она неспешно раздевается и проходит на кухню. Достает из пакета вафельный торт и говорит «к чаю».

Чай. Есть ли у меня дома чай?

Помню, давно точно так же к ней пришла я, только к чаю у меня ничего не было, но вид мой был такой же – уставший и больной. И ты тогда была ещё жива...

Она находится рядом со мной, сама, видимо, не до конца понимая, что тут делает, и, после долгой паузы, начинает говорить. Как же непривычно разговаривать с ней и слышать её. Незнакомое мне ощущение.

Её удивляет мой внешний вид. Она спрашивает про волосы, говорит, что я совсем другая (Да, конечно, я другая! А какой я должна быть? Кого она хочет увидеть?).

Я благодарю её за то, что она нашла нужным сообщить мне о похоронах. Она понимающе кивает головой.

– А я ещё сомневалась, – виновато произносит твоя мама.

И мне становится жутко от того, если бы я узнала об этом, например, месяца через три...

Я ещё раз благодарю её.

Она просит меня рассказать о тебе.

Удар ниже пояса. Зачем она просит об этом, причиняя мне невыносимую боль?

Я могу рассказать о тебе слишком много, поэтому я молчу.

Она говорит о любви к тебе, о не-проявлении её, о сожалении. Я не узнаю твою мать. Мне кажется, что я соскучилась по ней. Она берёт мою руку и заканчивает свой монолог фразой, которая меня поражает. Она говорит о том, что

я – это единственное, что осталось от тебя,

я – это часть тебя.

я – это то, что она может любить.

Теперь, когда она это поняла, она не хочет терять меня. Почему люди понимают так поздно?

У неё больше нет детей.

Я по-прежнему молчу и, с удивлением для себя, понимаю, что она тоже единственное, что у меня есть от тебя. Что из её груди ты пила молоко, и появилась ты тоже из неё. И она страшно мучилась, рожая тебя, а потом с обессиленной любовью прижимала твоё маленькое тельце с крошечными ножками и ручками к своему.

И её тело стало мне родным. Мне захотелось её обнять, чтобы почувствовать остаток тебя.

Мы сидели, сплоченные своей трагедией, и разделяли вместе твоё присутствие в нас обеих. Так я стала для твоей матери частью её новой жизни, а она – частью моей.

Она нарекла меня своим третьим ребёнком и попросила разрешения приходить. При-

гласила меня к вам домой, но я отказалась.
Она всё поняла.

38. Этот день был днём твоего рождения, который я упустила из вида. Можно ли меня за это обвинить? Обвинить за потерю чисел, окружающих меня.

Мы просидели с твоей матерью до вечера. Вокруг всё было наполнено тяжестью. Думаю, она это чувствовала так же остро, как и я. Мы не пили чай, мы не ели торт, мы просто просидели до вечера, мучая друг друга неизносимыми мыслями о тебе.

Она плакала.

Плакала тихо.

Так может плакать женщина, у которой не осталось ничего.

– У меня есть только ты.

Есть только я.

Перед её уходом я достала из шкафа твои вещи: какие-то мелочи, фотографии (многие фотоальбомы сразу опустели), записки, сложила их в коробку из-под туфель, в которых ходила на похороны, и отдала ей. Я попросила её забрать всё это, чтобы ничего видимого не напоминало о тебе. Теперь ничего не напоминает, кроме последнего дня. Последнего дня, проведенного с той...

Ненависть. О, сколько силы в ненависти. Чувство ненависти крепнет во мне. Оно развивается во мне. Оно наполняет меня.

39. С приходом твоей мамы что-то изменилось. Изменились мы.

Она – мама.

Я – дочь.

Ты – пуповина.

Я почувствовала, что нужна ей. Что я должна быть сильной, должна оберегать её, что ей никто не поможет, кроме меня. Никто не поймёт её так, как пойму я. Я не знаю, когда она появится в следующий раз. Я не жду её, но, если она придёт, я буду рада. Она стала мне родной.

Так быстро, так стремительно, за один вечер можно стать родными. Теперь у неё есть я. Твоя мама, убивавшая нас, сейчас даёт мне силы, сейчас не может без меня. Ты могла представить такое раньше? Ты могла представить наше с ней родство? Ты могла представить нас с ней с тёплым ощущением друг к другу?

Ты могла представить свою смерть?

Ты могла представить свою смерть?

Я заплакала.

Мне стало неудобно за свои слёзы.

Она сидит напротив меня, знающая так много боли, и держится, и держится, со стороны, так легко, а я плачу.

Я была рада, что она не видит моих слёз.

В моей голове крутилось много вопросов, но все они казались мне неуместными.

—Вот так всегда, - с досадой произнесла она.

—Что?

—Сигареты заканчиваются в самый неподходящий момент. Это особенность сигарет. Какие Вы курите?

—Я не курю.

—Это хорошо... А я курю. И у меня закончились сигареты.

Создалось такое впечатление, что она говорит не со мной.

Она позвала официанта. Повернувшись к нему, заказала сигареты. Заказала вино.

Некоторое время он смотрел на повязку, пока девушка не смутила его своей улыбкой. Он улыбнулся в ответ и удалился.

Наступила пауза. Долгая.
Она молчала.
Я разглядывала её лицо.

Официант принёс заказ.

ГЛАВА ПЯТАЯ РЕПЕТИЦИЯ

40. Скоро за окном завоют, загалдят, зашумят машины. Значит, настало утро. Если бы я жила этажами ниже, то, скорее всего, слышала, как ругаются полусонные, опаздывающие водители. Они рвут свои глотки, выясняя, кто куда неправильно повернул и кто виноват в этой пробке. Если лежать тихо-тихо и прислушиваться ко всему, что происходит внизу, то можно различить голоса. Слов не слышно. Точнее, слова непонятны.

Первый раз за последнее время я вышла на улицу с желанием дышать. С попытками вернуться.

На улице я вижу её – порхающую...

41. – Не трогай крылышки бабочки, – предупреждает мама ребёнка, – бабочка не сможет больше летать.

Никто никогда в детстве не скажет, что бабочка умрёт. Но сейчас не детство. Сейчас я знаю, что будет.

Требуется совсем небольшое усилие, чтобы сжать крылышко. Разноцветное, тоненькое крылышко. Могу ли я сейчас оценить красоту и симметричность узоров?

Думаю, что нет.

Я зажимаю крыло между большим и указательным пальцами и давлю с такой силой, что пальцы начинают болеть. Чувствует ли боль бабочка? Она истерично машет свободным крылом. Она кричит, надывается, но я не слышу её. Я разжимаю пальцы. На них пыльца и остатки крылышка. Она – темная бабочка – делает бесполезный взмах и падает на землю. Я сажусь на корточки рядом с ней и наблюдаю за тем, как она ползёт в страхе и в болевом шоке.

Теперь мне остаётся ждать. Дальше она умрёт сама. Она – милое создание, порхающее в бытии. А я, я – глупый ребёнок, не осознающий свою невинную жестокость. Бабочка умрёт, изнемогая в конвульсиях, но я не буду плакать.

Мне остаётся ждать.

Ненавидеть.

Ждать.

–Вы когда-нибудь ждали? – обратилась она ко мне.

–Да.

–Вы уверены?

–...

–Я научилась ждать. Приходит всё. Всё приходит так же быстро, как и уходит. Надо получать удовольствие от ожидания. Сила заключается в терпимости. Всё очень просто. Вы когда-нибудь ненавидели?

–Не знаю.

–Ненависть – это удивительное состояние. Его надо уметь впустить в себя, уметь вынести в себе и уметь отпустить.

–Отпустить ненависть?

–Да. Это когда ты вырастаешь из неё, как из старых ботинок. Выходишь на другой уровень. Когда ты не боишься признать, что ненавидел.

К морю. К морю. Мне нужно к морю. К морю.
В море – вода. Вода приручает. Неспешно,
мудро приручает.

– Слышишь? – говорит море.

И я слышу.

– Дыши, – говорит море.

И я дышу.

Где в центре города взять море?

Айвазовский.

Нет. Не то.

К морю.

К морю.

Мне нужно к морю.

ПАМЯТЬ

42. Сегодня я весь день живу на улице. Захожу в метро, катаюсь в разные стороны от станции к станции. Читаю книгу. Пытаюсь забыться, окунувшись в жизнь выдуманного героя. Я всегда это умела. При этом чувствую себя комфортно. Чувствую себя. Я радуюсь тому, что могу чувствовать, что я не пустой скелет, замурованный в кожу.

Бродяги (один бродяга останется во мне). Сегодня их как-то особенно много на улице. Или, может быть, я никогда не обращала внимания на то, что их так много. Сейчас есть время смотреть по сторонам, наблюдая за окружающим. Есть время видеть. Что бродяги прячут в своих рваных, грязных рюкзаках и котомках? В вонючих пакетах и за пазухой? Консервы? Алкоголь? Плесневелый кусок хлеба? Тёплую одежду на зиму? Что?

Он роется в помойке. От него несет чем-то тухлым. Мой нос слишком чувствителен к запахам, но я делаю усилие, чтобы игнорировать этот запах. Мне неприятно рядом с ним. Я стала слишком брезглива. Я ставлю его ниже себя, но, тем не менее, я подхожу.

– Что у вас в рюкзаке?

Он поднимает голову и удивлённо смотрит на меня. Он не прогоняет меня, не огрызается, он смотрит на меня. Смело. Твёрдо. Его пьяно-знающие глаза смотрят прямо в мои. И я вижу в нём человека.

– Тебе интересно?

– Да.

Он отходит от помойки. Садится на скамейку. Приглашает меня жестом рядом. Я сажусь. Он ставит между нами свой рюкзак и ещё раз пристально смотрит мне в глаза.

– Тебе интересно? – переспрашивает он.

– Да, – отвечаю я, хотя сама уже точно не знаю, стоило ли мне начинать это «знакомство».

– В моём рюкзаке моя жизнь. В моём рюкзаке моя любовь. В моём рюкзаке единственное родное, что у меня есть, – он делает паузу, решая продолжать говорить или нет. – В моём рюкзаке память.

Память.

В его рюкзаке память.

Он расстегивает молнию, и я вижу, что рюкзак наполнен фотографиями, старыми письмами, мятыми бумажками, жёлтыми конвертами. Он достает верхнее письмо.

– Вот, что в моём рюкзаке, – показывает он мне письмо. – Ты утолила свой интерес? – он не дожидается моего ответа и продолжает. – Я читаю их каждый день. Каждый день, когда никто не видит, я читаю письма, которые получил много лет назад от человека, который больше не пишет... Я смотрю фотографии, я помню. Мне так легче доживать.

Я слушала и думала, почему он не освобождает себя от прошлого, почему он каждый день терзает себя, делает себе больно. Если бы моя память, наполненная тяжестью, была в

рюкзаке, я забыла бы этот рюкзак на первой же станции. Прошло так много времени, а он всё ещё там, где-то не здесь. А потом я поняла, что у него просто нет будущего. Его будущее – это его прошлое. Я не осмелилась сказать, что мне тоже тяжело... Наши «тяжело», видимо, слишком различны, поэтому я молчала. Ему было не важно, что я скажу. И даже, если бы я решила что-то сказать, вряд ли бы он меня услышал.

– Я пойду?

Он ничего мне не ответил. Он был погружён в своё прошлое. Потерянный в настоящем, управляемый в настоящем лишь животными инстинктами: поесть, согреться и поспать. Он возвращался в прошлое, чтобы жить. Я поднялась и оставила его одного. Я была лишняя. Я была ненужная. Я нарушала гармонию, которая была в том, как он держал фотографию, как он гладил её грязными пальцами и улыбался.

Ты, наверное, так же будешь ласкать мои письма, когда, наконец-то, раскопаешь их через года, влюблённая в мой почерк...

43. ...влюбленная в мой почерк...

А может, ты вернёшься? Воскреснешь? Ты заберёшься в тело какого-нибудь человека и попадёшься мне на пути? А я сразу же тебя узнаю. По походке, по мимике, улыбке, жестам, речи... И пусть кожа будет на тебе другая, незнакомая мне. Ты не беспокойся, я

узнаю тебя. Ты, главное, заберись в кого-нибудь...

Узнаешь ли ты меня?

Я, конечно, не могу покончить с собой: кто позаботится о моей комнате, о моих героях, о твоей маме? Кто позаботится о птицах на крыше? Несмотря на их отношение, со стороны слишком равнодушное ко мне, я думаю, они, всё-таки, любят меня. Своей свободной, птичьей любовью.

44. Может, я схожу с ума?

Она закурила.

–Мне кажется, Вы слишком часто курите.

–Вам мешает дым?

–Нет.

Она улыбнулась и поднесла сигарету к губам:

–Тогда всё в порядке.

Я устала писать. У меня закончился блокнот. Я начала запоминать, впитывать, оставлять в себе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

45. День кажется длинным. Я так давно не выходила на улицу, что чувство комфорта сменилось чувством усталости. Усталость от свежего воздуха (возможно ли такое?) или это просто усталость от физической слабости? У меня нет чёткого плана, куда мне стоит идти. Дорога ведёт меня в своём направлении.

Я доверяюсь дороге.

Парк. Приятно думать, что Дорога почувствовала изнеможение моих ног и привела меня к месту, где я могу отдохнуть на скамейке. Людей совсем нет. Поздно. Мне нравится эта безлюдная пустота. Лишь неподалёку от моей скамейки я вижу чёрную фигурку.

Я сижу, закинув голову вверх. Я закрываю глаза и...

46. и...

Мы идём с ней в подворотне. Темно. Я слышу её запах и слышу её дыхание. Мы совсем не разговариваем.

Подворотня – глухой коридор, на моё счастье, не заканчивается. Он бесконечен. Её пугает эта бесконечность – она ускоряет шаг. Мне кажется, что она почувствовала опасность. Она почувствовала, что я – это опасность, поэтому её дыхание участилось. Мне нравится её страх. Мне даже не стоит к ней прикасаться для того, чтобы почувствовать, что она испугана. Она держится. Она не убегает от меня, не кричит. О, эта глупая храбрость. Мне становится смешно. Я улыбаюсь.

Я понимаю, что ждать больше не стоит. Я резко хватаю её за запястье левой руки, останавливаю и поворачиваю к себе. Она по-прежнему не делает попыток бежать. Я смотрю на неё. Не знаю, что в этот момент она увидела в моих глазах, но свои она сильно-сильно зажмурила...

47. Чёрная фигурка на соседней скамейке громко кричит в трубку мобильного телефона, кому-то что-то доказывая.

Самого телефона я не вижу, но предполагаю, что она разговаривает по сотовому, поскольку в районе ста метров (и даже больше) вокруг нас никого не наблюдается. Некоторое время я слежу за ней, а потом возвращаюсь в подворотню...

48. – Тебе страшно?

Она по-прежнему стоит с закрытыми глазами. Не произносит ни слова, только кивает мне в ответ.

– Смотри на меня.

Я жду, но она лишь сильнее замуривает глаза.

– Смотри на меня, – повторяю я.

Она замуривает глаза.

– Смотри на меня! – твёрдо произношу я и ударяю её по лицу.

Для удара требуется совсем немного.

Кулак и лицо.

Она хватается свободной рукой за щёку и открывает глаза. Я вижу в них страх. Её страх и моя ненависть делают меня бесчувственной. Делают меня непобедимой. Я вижу своё превосходство, и я вижу, что она чувствует, что я способна на всё. Неожиданно она делает попытку вырваться, но я держу её так сильно, что ей не удаётся этого сделать. Она начинает паниковать, замахивается на меня рукой, которую я тоже хватаю.

Я нажимаю ей на руки и опускаю её на колени. У меня это получается легко. Она поддается. Может быть, она думает, что так сможет спасти себя, может, она думает, что чётко выполняя мои приказы, она вызовет мою жалость к ней? Нет, ей это не поможет. Я не контролирую себя. Во мне – нет меня. Во мне – лишь дьявол. Во мне – шакал, бес. Теперь она на коленях, и я окончательно возвышена

над ней.

Лежачего не бьют.

Бред. Бьют.

Не надо ложиться.

– Тебе страшно? – переспрашиваю я.

– Да.

Она не знает меня в гневе.

Точнее нет, это не гнев.

Это жестокость. Непокосимая, чёткая жестокость. Столкнуться в подворотне с жестокостью – это страшно.

Она боится.

49. Девушка больше не кричит. Она сидит на скамейке, поджав ноги к себе и обхватив их руками. По её позе я понимаю, что она, скорее всего, плачет. Она – чёрный силуэт – кажется мне беззащитной и маленькой. Мне хочется помочь ей.

50. Она смотрит на меня снизу вверх, и я вижу на её глазах слёзы. Смею признать, что она держалась довольно-таки долго. Теперь она просит меня не убивать её.

– Как ты думаешь, – говорю я, – ей было страшно умирать?

Мы говорим о тебе (если это можно назвать разговором).

Она корчит лицо. То ли от страха, то ли от боли, то ли от вины, то ли ещё от чего-то.

–Так как ты думаешь?! – я перехожу на крик. Я, которая так долго контролировала себя, перехожу на крик.

Она нервно кивает головой.

Я хватаю её за волосы и оттягиваю голову назад. Её шея вся передо мной, и, если бы я была вампиром, а не дьяволом, то с удовольствием бы впилась в неё зубами. На шее висит подвеска – точно такую же я видела на твоей.

Тебя похоронили без этой подвески.

Она просит.

– Я не буду тебя жалеть. Сейчас не время для моей доброты, – спокойно говорю я.

Я понимаю, что всё слишком затягивается, что могут появиться ненужные люди, которые станут осуждать меня, давать против меня показания (да, мы это уже проходили). Люди, которые могут случайно попасть в тёмную подворотню и столкнутся с моей жестокостью.

Всё слишком затягивается. Я достаю нож. Она хочет подняться с колен, убежать. Она, задыхаясь от слёз, что-то говорит, закрывается руками. А во мне столько силы, что я даже не замечаю этого сопротивления. Теперь только взмах. Удар. Кровь. Труп. Улики. Дорога домой. Ужин. Всё по чёткому плану.

Её скорченное лицо. Взмах. Удар.

Аромат её крови. Аромат её смерти. Я жадно вдыхаю ноздрями её последний запах. Смерть её запаха.

Смерть её запаха.

Ритуал.

Молитва.

Я ничего не понимаю.

–Что происходит? – спрашиваю я.

–Молитва.

–Перестаньте.

–У каждого своя молитва.

–Так нельзя.

–На тот момент я была уверена, что можно.

Мне продолжать?

–Продолжайте.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ БЛАГОРОДНОСТЬ

51. Девушка по-прежнему сидит на скамейке. Я встаю и подхожу к ней.

– Хватит реветь, – говорю я. – Идём.

Она недоверчиво смотрит на меня.

– Ну, вставай. Идём, – я протягиваю ей руку. Она хватается за неё и поднимается.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Она идёт молча, хлюпая носом. Ей надо успокоиться, чтобы она смогла говорить. Я не придумала ещё, куда мы идём. И это не столь важно. Я знаю, что нужна ей. Как приятно быть нужной. Настолько ли я великодушна, насколько хочу казаться? Играю в благородство, когда ещё несколько минут назад совершала преступление. Нет, это была не я. И преступления не было. Меня будут искать с собаками, но я слишком высоко. Я живу у самой крыши. Меня не найдут. Нет улик.

52. Книга – улика.

53. – Куда мы идём? – наконец-то спрашивает девушка.

– Я не знаю. Слава Богу, дорог хватает, и мы можем идти бесконечно, пока не стопчутся ботинки.

– Мне утром на работу, – произносит она.

– Хорошо.

Я иду быстро, словно опаздываю на какую-то важную встречу. Она спешит за мной. В какой-то момент я задумалась о том, зачем я повела её за собой. Зачем мне эта девушка с соплями и медленным шагом? Для игры в «помощника»? Мне кажется, я обманываю её и обманываю себя. Я останавливаюсь и резко поворачиваюсь к ней. Кладу руки на её плечи, и, смотря в её грустные, заплаканные и несколько пустые глаза, произношу:

– Послушай, я, наверное, неправильно поступаю... – но я не договариваю. Я прерываю себя и понимаю, что мне не стоит её отталкивать от себя.

Она смотрит и ждёт продолжения. Она прикусывает губу. Она сдерживает слёзы.

– Послушай! – и я обнимаю её сильно-сильно, – послушай, всё хорошо будет. Честно. – Я глажу её по голове. – Ты не реви. Слышишь? Всё хорошо будет.

Она плачет, прижимаясь ко мне.

Вот он – пик благородности.

Только я не могу понять, кто кому больше нужен: она – мне, или я – ей... Мы разыгрываем трагикомедию. Она – жертва. Я – спаситель.

А может всё совсем наоборот? Я – жертва, а она – спаситель.

Она плачет, прижимаясь ко мне.

– Тише. Тише... Всё будет хорошо. Всё пройдёт.

Главное мне не перепутать текст.

54. Она не говорит мне, что произошло с ней, и я вижу, что мне не обязательно это знать. Мне даже не интересно. Ведь, испытывая боль, известную мне, я в состоянии понять боль любую. Поэтому я просто чувствую то, как ей тяжело. Маленькая, несчастная, глупенькая, слёзная. Она придумала себе горе и свято верит, что это самое страшное, что может случиться.

Можно ли мне плакать рядом с ней? Можно ли расслабиться, перестать себя контролировать, закричать, сойти с ума, ходить кругами,

ходить кругами и говорить,

говорить,

говорить?

Могу ли я себе это позволить, чтобы добить это создание силой своей боли?

– Тише, тише... – повторяю я вслух, – всё будет хорошо. Я понимаю тебя. Тише.

Так мы стоим с ней какое-то время.

Время, за которое я давлюсь своими следами, которых она не видит.

Время, за которое я чувствую её открытость передо мной.

Время, за которое я успеваю пережить потерю тебя второй раз.

Время, за которое она успевает успокоиться.

55. – Ты любишь крыши? – спрашиваю у неё, когда она перестаёт плакать.

– Не знаю. – Пожимает она плечами.

– Пойдём, я отведу тебя на крышу. Там ты сможешь понять любишь ты крыши или нет. Пойдёшь? Не боишься идти со мной?

– А что тебя боятся?! – засмеялась она. – Ты ведь не какой-нибудь маньяк-убийца. Ты добрая.

Я не маньяк-убийца. Я не маньяк-убийца. Я добрая. Я не маньяк-убийца. Я просто убийца (в сознании). Я убийца, но не маньяк-убийца. Что хуже? Что лучше? Я – добрый убийца. Нормально... На меня повесили ярлык «добрая» только за то, что я подошла и спросила «что случилось?».

Как легко быть доброй.

Никого не интересует, что я могу застрелить, зарезать или задушить.

– Эй, о чём ты задумалась? – обращается ко мне девушка.

– Да так. Я вот подумала, может ли человек, совершить преступление и остаться человеком? Может ли он быть добрым, пони-

мающим, может ли он любить, если он решил, если он взял на себя ответственность забрать чью-то жизнь? Может ли убийца не быть убийцей? А быть освободителем, быть судьёй, быть честным, справедливым. Может ли убийца быть счастливым? Может ли он забыть о своём преступлении? Или убить – это совсем не страшно? Может ли..?

– Стой! Что? Я ничего не понимаю! О чём ты? Я ведь про убийцу просто пошутила, – в негодовании останавливает меня девушка.

– Ладно, не важно. Думаю, может.

Больше она не плакала. И всю дорогу к моёму дому что-то рассказывала. Много смеялась. Я поймала себя на мысли, что, наверное, завидую ей. У неё всё так просто: поплакать, придумать себе конец света и всё. А сейчас всё нормально, всё как всегда. Может мне так же сделать? Я всё себе выдумала и сейчас всё в порядке... Я выдумала твою смерть, выдумала твои похороны, выдумала новые туфли, выдумала свою боль, выдумала твою мать, выдумала короткие волосы, выдумала настоящее, выдумала голубей на крыше, выдумала свою жертву, выдумала её запах, выдумала себя, выдумала бродягу с рюкзаком, выдумала трагедию, выдумала тебя.

Вру. Врать себе – невозможно.

Если бы я только умела выдумывать...

– Ты меня слышишь? Ты меня слушаешь? – спрашивает девушка.

– Слушаю.

56. Мы приходим ко мне домой.

После целого дня (безумно длинного дня) отсутствия в своей квартире, я понимаю, что соскучилась по ней, что мне в ней комфортно и уютно.

– Это мой дом, – говорю я.

Звучит гордо и с любовью.

Девушка снимает обувь и проходит в комнату. С интересом разглядывает обстановку, картины, статуэтки, окно в потолке.

– У тебя тут здорово! – восхищается она. – А есть что-нибудь поесть? А то я такая голодная.

– Там, на кухне. Бери всё, что найдёшь, – отвечаю я и понимаю, что еды-то у меня совсем нет, так как последний раз я ходила в магазин...не помню даже когда.

57. Я устала и хочу спать, поэтому я говорю девушке о том, что на крышу мы выйдем завтра.

– Тут нет еды! – доносится с кухни.

– Да, я знаю. Я завтра что-нибудь куплю и приготовлю. А сейчас давай спать. Я очень устала.

Она возвращается в комнату и просит пижаму, в которой будет спать. У меня ничего нет. После недолгих поисков в шкафу я нахожу футболку, на которую ей приходится согласиться. Смешная жёлтая футболка. Прошлым летом... или позапрошлым... я надевала её последний раз.

Девушка ложится на кровать и прижимается ко мне. Я аккуратно обнимаю её... Она такая хрупкая, такая беззащитная...

Такая совсем ещё детская...

Комната погружается в ночь.

Неожиданно она вскакивает и начинает бегать по комнате. Я не понимаю, что происходит.

– Что ты ищешь?! Что случилось?

– Мне нужна расчёска.

– Расчёска? Ты собралась причёсываться на ночь?

– Да нет! Как ты не понимаешь! Я сплю на новом месте. Мне обязательно должен присниться жених. Ты что так не делаешь?

Я слушаю её и начинаю смеяться.

– Нет. Я так не делаю. Возьми расчёску в коридоре, у зеркала.

– А как ты делаешь? – она выходит из коридора с расчёской в руках, кладёт её под подушку и ложится.

– Я очень редко сплю на новом месте. Это мой дом. Моя кровать, – отвечаю я ей. – Я не верю, что расчёска может определить мою судьбу. Понимаешь?

– Не очень.

– Ладно, не важно. Давай спать.

– Давай. Только... Я не хочу спать...

– Спи, – я обнимаю её. Она лежит у меня на руке.

Помогает ли эта девушка хоть на секунду забыть о тебе? Нет.

Я, как всегда, пришла раньше времени: вдруг ты тоже придёшь раньше? Первые несколько минут я ждала тебя спокойно. Мне даже нравилось это состояние ожидания, что вот-вот подойдёшь ты.

Но мои ноги стали замерзать. Я начала притоптывать, чем напомнила себе Дюймовочку, которая забралась на дом старой мыши. От этого сравнения мне стало смешно.

Я считала снежинки на своей рукавичке. Мысли крутились в голове какие-то.

Всё как всегда. Белая зима.

Вскоре у меня замёрз нос, и я шарфом замотала себе лицо, оставив только глаза с кристалликами снега на ресницах. Время начало тянуться. Оно даже, наверное, остановилось. Мне казалось, я жду тебя уже так долго.

Ужасно злилась. Больше на погоду, на время, чем на тебя. Тебя не было целую вечность...

Я не знала, что такое вечность.

А потом появилась ты...

И я расплылась в улыбке, которую скрыл мой шарф. Ногам было холодно. Рукам тоже.

Но ты была рядом...

Она лежит сейчас рядом, а рядом должна быть ты...

Не перебиваю.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ПАРТИЯ

58. –Спой мне что-нибудь, – тихо произносит она.

–Что? – переспрашиваю я.

–Спой мне что-нибудь. Мне так давно никто ничего не пел. Я так усну быстрее.

–Хорошо. Там–пам–пам... Пам-пам... Та-та... Пам...

–А что это за мелодия? Такая красивая.

–Это моя любимая мелодия.

–Ясно. А...

–Там-пам-пам... Спи. Пам-та-та...

Ты любила, когда я напевала тебе мелодию.

Может быть, сейчас ты где-нибудь меня слышишь?

59. Большая квадратная комната. Очень большая. Высокие потолки. Комната светлая. Стены белые. Потолок белый. Пол тоже белый.

Пол холодный. Я босиком, поэтому чувствую холод. Я одета в белую простынку. В комнате нет окон. Нет мебели. Лишь в центре стоит стол. По бокам стулья. Белый стол, белые стулья. На столе шахматная доска. Фигуры расставлены. Чёрные фигуры сразу же притягивают к себе внимание, так как во всём этом белом они непосредственны в своей черноте. Я подхожу к столу, сажусь за чёрные фигуры и смотрю на дверь, ожидая своего соперника. Мне не приходится долго ждать. Дверь открывается и заходит она. Она тоже босиком. Также в белом. Она осторожно осматривает комнату. Я приглашаю её жестом за стол. Она садится напротив меня.

– Сыграем? – спрашиваю я.

– Сыграем, – отвечает она и делает первый ход.

– Нет, ты не поняла. Я спрашиваю, готова ли ты сыграть со мной на жизнь?

Она удивляется.

– А если я откажусь?

– Ты уже не можешь отказаться. Ты сделала первый ход. Мы должны завершить игру.

Она испуганно смотрит то на меня, то на шахматную доску.

– Хорошо. Тогда у меня нет выбора.

– Нет.

Я делаю ответный ход.

Наша партия началась. С4. С5. D3. С6 конём...

Играем мы долго. К концу подходит второй час. Исход игры мне известен. Я знаю, что

мне стоит сделать ещё несколько ходов для завершения партии.

Я знала это ещё до того, как она взяла в руки пешку.

Я задумалась о том, честно ли с моей стороны знать итог и продолжать ей давать надежду на победу. А потом я подумала о том, что смешно думать о честности, когда речь идёт об игре на жизнь...

– Шах и мат, – спокойно произношу я.

Она признаёт своё поражение и собирается встать.

– У меня замёрзли пальцы. Я хочу уйти.

– Ты никуда не пойдёшь, – мой вердикт.

Она хочет подняться, но я держу её взглядом. Она не может шевельнуться. Мой взгляд обладает силой. Силой, которая неизвестна даже мне.

Комната темнеет. Сначала она приобретает серые тона и постепенно доходит до чёрного цвета. Белыми остаются только стол и стулья. Белой остаётся наша одежда. Белые фигуры остаются белыми.

Я беру её руку. Она влажная от напряжения и страха. Когда я держу её за руку, она становится ещё слабее... Я хочу довести её до изнеможения, до бессилия, до разрыва сердца. Я причиняю ей невыносимую боль, при этом не применяя никакого насилия... Лишь взгляд. Лишь касание рукой. Лишь чёр-

ный цвет, который питает меня силой, лишь холодный пол. Лишь её проигрыш. Лишь моя победа.

60. Проснулась.

61. Моя квартира. Мой потолок. Моя кровать. Сон. Какой странный сон. Что-то в этом сне было не так. Прокручивая его в голове, я понимаю, что в этом сне не было тебя. Первая ночь, когда ты мне не снишься, когда ты не приходишь ко мне, не напоминаешь о себе. Хорошо...

В этом сне была она. Сон – это знак. Думаю, мне не стоит больше тянуть. Нужно оружие, нужен чёткий план. Нужно решение, которое я уже приняла. Надоело представление. Я чувствую, что осталось совсем немного. Осталось совсем немного подождать, и я снова смогу жить. От этой мысли легче. Я гоняюсь за любой мыслью, от которой может быть легче. Я знаю, что могу.

62. Я поднимаюсь с кровати. От переполняющего меня волнения и эмоций я хочу курить. Время – 5 утра. Мне так кажется.

Из джинсов достаю сигареты, сажусь на подоконник. Курю. Нужен план. Смотрю в окно. Напротив крыша, на которой я не была. Она так близко, а я никогда на неё не забиралась. Может быть, на ней другая атмосфера? Не такая, как на моей. А мне нужен план... может пригласить её на крышу? Разы-

грать там несчастный случай. В панике побежать звонить в милицию, скорую. Выдавить слезу... Слушать выговор о том, что мы – такие большие девочки – ползаем по крышам.

Нет.

Не хочу.

Не хочу, что бы вид из окна напоминал об этом.

Моя кровать. Девушка. На моей кровати девушка. Вчерашняя?..

Я совсем забыла.

Так непривычно кого-то видеть на своей кровати. На ней давно никто не спит, кроме меня. Поэтому сейчас, когда я вижу на ней кого-то иного, кровать кажется чужой. Ощущение новое. Зачем я привела с собой эту девушку? Для чего я пустила её в свой дом? В свой тайный мир. Тут она может увидеть мой план, моё состояние. Она может стать ненужным свидетелем. В своей квартире я слишком открыта. Как стремительно я превращаюсь в черствое, расчётливое существо. Меня совсем это не пугает. Меня это спасает, защищает. Я ухожу в жестокость, как уходят в плавания корабли по дальним морям.

Я не бужу её, но и сама не ложусь. Мне не хочется прикасаться к чужому, к неродному.

–Вы когда-нибудь уезжали?

–О чём Вы? – удивляюсь я.

–Вы когда-нибудь уезжали? В другой город, в другую страну, на другую планету, в другой мир? Не имеет значения куда. В другое место, где Вас могла бы захватить ностальгия.

–Да, уезжала.

–Тогда Вы знаете, что такое ностальгия?

–Знаю.

–Ностальгия – это самое страшное.

Это безжалостное состояние. Мне казалось, что тяжелее, чем в тот летний день уже не будет, но я ошибалась. Я глубоко ошибалась. Пришла ностальгия.

ОБЪЕДИНЕНИЕ

63. Ты не лежала на этой кровати. Мы не наполнили её своим чувством. На ней нет твоего запаха... Но тебя так много. Твои тонкие пальцы, прикасаясь к моему лицу, любили меня. Мне казалось, что в этот момент они любили всё моё тело.

Воспоминания былого, ушедшего, невозвратимого. Воспоминания святого. Я сижу на подоконнике и терзаю себя мыслями. Или это совсем не терзания, а попытка отключиться? Это бег. Я словно самка кита, отчаянно уплывающая от браконьеров. Подо мной мой китёнок, и я закрываю его своим телом. Во мне – стрелы. Кровь хлыщет, оставляя за собой тёмно-бордовую дорожку, словно нефть, которая растеклась в океане. Скоро подоспеют акулы. Но до этого меня успеют погрузить на судно. Мой маленький китёнок, меня лишат тебя. Тебя лишат меня...

Мне стоит лишь закрыть глаза, чтобы представить тебя рядом. Я чувствую теплоту вокруг себя – это ты окружаешь меня. Проводишь рукой по щеке...

- Ты пришла? – с улыбкой спрашиваю я.
- Пришла, – слышу я в тишине.
- Я знала, что ты придёшь.

Дальше мы молчим. Мы находимся рядом. Так близко. Так честно. Мы составляем единое целое. Ты как никогда плавно протекаешь в

моём сознании. Нежноходишь в представление. Наполняешь всё вокруг собой. Я расслабляюсь - первый раз за последнее время... Летим вперёд. Вдвоём. Смеёмся с ветром. Целуешь руки мои. Ты вернулась.

Ты вернулась.

Доверяюсь пространству.

64. – Что с тобой? Ты уже проснулась?

Удар.

Темнота.

Холод.

Тебя нет.

– Эй?! Ты уже проснулась? – доносится с кровати.

Я со всей силы толкаю пепельницу. Она падает на пол и разбивается. Девушка моментально затихает, робко натянув на себя покрывало. Она ожидает, что я сделаю дальше. Если бы я сама знала, что буду делать...

Пепел смахиваю на пол. Всё равно, его теперь там полно.

Она нарушила нашу с тобой гармонию...

– Оденься! – сухо говорю я. – И вали отсюда.

Она не двигается с места и испуганно смотрит на меня.

–Оденься, пожалуйста, и уходи, – спокойно повторяю я, удивляя её быстрой сменой тона.

Она встаёт с кровати. Спешно одевается и уже в коридоре осторожно спрашивает:

– А как же крыша?

Мне не хочется сейчас контролировать себя, но я контролирую. Она должна быстрее уйти или иначе она увидит мои слёзы. Начнёт проявлять не нужное мне участие, совать мне под нос стакан с водой, будет приставать с вопросами. Она увидит, что такое боль.

Она увидит, что такое боль. Она не готова к этому.

– Иди на крышу. Без меня. Я не хочу, – я спрыгиваю с подоконника. – Осторожней, не поранься, – показываю я ей на разбитую пепельницу.

Она идёт к окну, боязливо поглядывая на меня.

–Ты мне ничего не сделаешь?

–Не сделаю, если не будешь много болтать. Я сейчас слишком напряжена... Мне нужно побыть одной, – единственное, о чём я считаю нужно сообщить.

–Я быстро, – она открывает окно и вылезает на крышу. Я слышу, как она осторожно передвигается надо мной. Потом шаги затихают – девушка останавливается. Скорее всего, смотрит по сторонам и восхищается окружающей её высотой. Восхищается

утренним городом. Город улыбается. Город начинает жить в новом дне. С новыми надеждами. Эти надежды заходят и ко мне. Лишь одно спасает меня. Лишь одно греет мне душу... вендетта². Прекрасное иностранное слово, словно название цветка, словно время года. Но за красивым звучанием скрывается чёткое значение: месть. При этом сила любви глубинна и бесконечна во мне, раз она рождает такую ненависть. Во мне столько теплоты к тебе.

Через несколько минут она возвращается.

– Я люблю крыши, – говорит она, проходя мимо меня.

Ты ведь тоже любишь крыши...

– Уходи, – тихо произношу я.

² Вендетта – Кровная месть (итал.)

–Это страшно, – говорю я. Я не знаю, зачем я это говорю. Это вырвалось само.

Она закурила.

–Страшно было потом. Когда весь мой путь к «выживанию» прервался.

–Слабость?

–Называйте, как хотите.

Определения не имеют значения.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ИСКРЕННОСТЬ

Если бы у меня сейчас были силы кричать, я оглушила бы её своим криком, я распугала бы всех птиц на крыше, я бы создала аварийную ситуацию на дороге. Но у меня нет сил.

65. Девушка уходит. Я слышу звук удаляющихся каблучков. Я закрываю глаза, ожидая тебя, но ты не идёшь. Проходит какое-то количество времени, когда я, наконец, понимаю, что ты не придёшь.

– Где ты? Где ты?! – кричу я. – Я одна. Не оставляй меня одну! Мне страшно.

Тишина. Что такое тишина? Хоть кто-нибудь, хоть где-нибудь. Мышка в норке, пискни. Вода в кране, закапай. Люди внизу, заворчите... Я передвигаюсь по комнате с закрытыми глазами, слушаю тишину, слушаю нахождение тебя... Но тебя нет.

– Где ты?! Я не чувствую тебя.

Ты больше не приходишь. Я сажусь в угол, зажимаюсь там. Теряю тебя второй раз. Зачем? (непонимая и устало) Не надо так жестоко. Где ты? В углу безопасно, но мне по-прежнему больно. Внутри разрывает всё. Как разрывается воздушный шарик. Неожиданно и быстро. Много воздушных шариков. Моё сознание отделяется от меня и удаляется. Теперь во мне одни чувствительные окончания. Не хочу чувствовать. Пустота комнаты пугает. Ни шороха, ни шуршания. Мои глаза закрыты – так легче сдерживать слёзы. Так легче надеяться на то, что я увижу тебя.

– Где ты?.. Вернись. Ты слышишь меня? – я шепчу. – Где ты, где ты?

Угол становится тёплым и родным. Это всего лишь эмоции. Это пройдёт. Я сильная. Внушаю я себе, и мне становится смешно от безнадёжности этих слов. Рваные дни. Сегодняшний рваный день, завтрашний, потом ещё рваный день. Круговорот рваных дней. Без тебя. Я задыхаюсь болью. Задыхаюсь, зажимаюсь, закрываюсь.

Алкоголь. Он слишком далеко. Мне не дойти до кухни. Бутылка мартини – я помню. В шкафчике справа. Практически целая. Я не знаю, как мне выбраться из угла.

Сигареты. Они слишком далеко. Мне не доползти до подоконника. Пачка сигарет–моё

спасение. Никотин успокаивает. Спокойствия нет.

Слёзы. Солёные, мокрые. Непослушные. Бесмысленные. Их слишком много. Стягивают кожу на лице.

Звонят.

Мне звонят в дверь.

Или нет?

Или это звенит у меня в голове.

Дзинь. Дзинь. Дзинь. В голове. Всё громче. Всё настойчивее. Дзиинь. Наверно, так взрывается голова...

66. – Ты знаешь, что делать, – я слышу голос.

Голос!

Я слышу голос. Только он не твой. Он незнаком мне. Но он добрый, заботливый. Он не оставляет меня одну.

Я не могу понять, происходит ли это на самом деле, или я уже сплю...

Мне не приходится произносить слова – этот кто-то читает мои мысли, и я не открываю рот.

– Ты же решила. Ты же решилась, – плавно говорит голос. – Тебе станет легче. Ты освободишь себя.

Голос словно песня. Он так приятен. Я не хочу, чтобы он пропадал. Я успокаиваюсь под этот тембр. В голове уже не звонят. Только где-то отдалённо, тихо-тихо – дзинь, дзинь.

– Давай, вставай. Поднимайся, дорогая. У тебя ещё много дел. Ты должна всё проду-

мать. У тебя нет времени на бездействие. Нельзя тянуть бесконечно, – голос замолкает.

–Голос? Ты тут? – испуганно, спрашиваю я.

–Да, я тут. Не переживай. Я не уйду, пока ты не поднимешься. Я помогу тебе.

–У меня совсем нет сил. Я не могу даже взять сигарету, – мне становится стыдно за свою расслабленность.

–Можешь, – голос грубеет. – Вставай. Иди. Слышишь? Она сейчас живёт, а ты? Расползлась тут в углу. Как же месть? Как же твоё обещание? Ты же знаешь, будет легче. Вставай, иначе я уйду.

–Нет, не уходи, - произношу я. Как страшно снова погрузиться в эту тишину. Тишину, от которой лопаются перепонки.

–Вставай!

Я встала.

67. Всё будет хорошо.

–Вы поверили в то, что всё будет хорошо?

–У меня не было другого выбора.

ГОТОВНОСТЬ

68. Решение я уже приняла. От этого легче. Не буду терзать себя вопросами «стоит» или «не стоит», не буду взвешивать «за» и «против». Я не весы, в конце концов! Все «за» я знаю, а до «против» мне нет дела. В ненависти нет предрассудков. В ненависти всё прямо и чётко. Нет лжи, лести, красивых слов. Нет придуманного благородства. В ненависти я чувствую себя свободно. В ненависти нет пустоты.

Есть стремление.

Я чётко определила, что её смерть – это единственный выход. Всё просто. Я помню, это она украла твои минуты, твои последние минуты, которые не дают мне покоя. Ты была бы против, ты не разрешила бы мне убить. Ты смогла бы меня сдержать, но сейчас тебя нет, и держать меня некому. Меня окружает добрый Голос, который помогает мне. Он подсказывает верные мысли. Он мудрый.

Когда я уже так устала думать, Голос говорит мне что делать. Я надеваю перчатки. Я беру самый большой нож. Кто-то на день рождения подарил мне набор ножей. Мне казалось, что это совсем не нужный подарок. Так, не подарок, а отмазка, как фоторамка. А сейчас я понимаю, что ножи нужны. Мою ручку. Точу лезвие. Противный, режущий слух звук. Нож не помещается в карман, поэтому мне приходится сделать дырку в кармане. Я чувствую кожей холодный металл.

69. Я выхожу на улицу. Вокруг так спокойно. Во мне так спокойно. Так хорошо. Гармония с состоянием природы. Идеальный летний вечер. В такой вечер мы обязательно бы гуляли в парке... Но сейчас я наполнена другим. Другим, не менее важным. Поворот. И – к цели. Невероятное ощущение – спешить к своей цели. Невообразимое удовольствие. Меня переполняет счастье.

Счастье. Я ничего не путаю?

Время летит. Вот – моя цель, она уже так близко.

На лице – улыбка.

В сознании – предвкушение. Осталось совсем чуть-чуть, и мне станет легче. Перестанет ныть голова. Я как больной, который торопится к зубному, где ему удалят назойливый зуб. Жертва моя, милая моя жертва... Во мне столько силы, столько красочных картин. Я уже представляю свою жизнь без неё, как я отомщу, освобожусь... И как удивительно быть свободной от тяжести! И если это навязчивая идея, и если меня назовут сумасшедшей, то я не буду спорить. Я освобожусь, и я не буду спорить...

Предвкушение. Стремление. Состояние восторга. Быстрый шаг. Я практически бегу. Спешу. Тороплюсь к своей цели. Быстрой. Быстрой. Не растерять бы по дороге эту лёгкость. Не замечаю прохожих. Не замечаю лиц. Вперёд.

Совсем скоро...её не станет.

Во мне её не станет. Останешься только ты... Только наши минуты, только наше прошлое и настоящее, в котором ты будешь приходить ко мне.

Я во дворе.

Вот дом.

Подъезд.

Лестница.

Быстрее.

Быстрее.

Этаж.

Звонок.

-Вы её убили?!

-Думаю, да.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ПОВТОРИТСЯ

70. Она открывает мне дверь. На её лице нет печали. На её лице нет скорби. Меня это сердит, но я не показываю ни ненависти, ни злобы, так как состояние предвкушения сильнее. Она удивляется моему приходу. Рассматривает мою стрижку.

– Здравствуй, – говорит она.

Я молчу. Вот – жертва. Достань нож. Режь. Руби. Убивай. Ненавись. Разрывай на мелкие куски. Мсти. Танцуй ножом по её телу.

Нет.

Я испугалась?

Нет.

– Привет! – повторяет она.

Я молчу. Я смотрю на неё и понимаю, что я столько раз её убивала, что всё её тело в ранах, рубцах, шрамах и порезах. На её ли-

це нет живого места, а только следы моей ненависти. Она безобразна. Уродлива. Она мертва. Она стоит, здороваётся со мной и не знает, что уже безжизненна. Всё.

Финал.

Мне становится жалко её (моя минутная слабость).

Мне некого убивать. Я разочарована.

МНЕ НЕКОГО УБИВАТЬ.

–Привет! Ты что-то хотела? – спрашивает она.

–Да, хотела. Я хотела убить тебя.

Моя неизменная честность. Моя жертва (или уже не жертва?) должна знать, зачем я пришла.

Она улыбается и начинает что-то говорить в ответ. Совсем не отодвигается и не боится. Она думает, что я шучу. Я, которая сжимает в правой руке нож, острый как само время. Она думает, что я шучу. Дура.

–Успокойся, – говорит она мне.

Я спокойна. Я спокойна как никогда. В моей голове нет страха. В моей голове нет паники. В моей голове решение.

–Я передумала, – строго и спокойно говорю я ей, или, по большей части, себе? – Я передумала. Я дарю тебе жизнь.

Она морщит лоб, не совсем понимая, что происходит. А я чувствую свою силу и свою власть над ней. Я решаю, пойдёт она сегодня вечером чистить зубы или нет. Я решаю, пойдёт ли она завтра на прогулку. Я решаю

её жизнь. Это делает меня выше. Она – моя раба. Я – господин. Я дарю ей жизнь. Может ли она оценить это?

–Благовари меня, – говорю я вслух.

–За что тебя благодарить? – равнодушно спрашивает она.

Я молчу. Я не буду её убивать. Я сделаю иначе. Я сделаю совсем по-другому. Прости меня, Голос, но я поступлю не так. Это решение появилось неожиданно.

Просто щелчок и всё.

В моей голове переворот. За секунду пролетают картины её смерти. Я знаю, что я должна делать. Я должна просто рассказать то, что я испытала. То, как я жила. Я стану ненормальным маньяком, я изнасилую её своей болью.

Я смотрю ей в глаза. В её тёмные глаза. Я вижу, как расширяются зрачки – она слышит, что ей говорят мои глаза. Невыносимую правду. Страшное настоящие. Вот она – истина.

И если глаза – это зеркало души, то ей не повезло увидеть мою душу, измученную и искалеченную. Так мы стоим долго, пока она не отодвигается.

– Прекрати, – говорит она. – Не смотри на меня так. От твоего взгляда не по себе. Я думаю, тебе стоит уйти.

Да, я знаю, что мне уже пора. И я сейчас уйду, только ещё несколько слов.

– Не по себе? – говорю я. – Это только начало.

Я не в состоянии объяснить происходящее.

Она прощается и закрывает дверь.

Вниз. По лестнице. Спокойно. Медленно. Обдумывая. В подъезде читаю надпись «Щой жив»). Думаю о том, что, может быть, ты тоже жива...

Прощаюсь со своей целью. Она прервалась, оборвалась, остановилась. Или другими словами: у моей цели новый этап. Она переросла во что-то более ожидаемое, более мудрое. На улице выбрасываю в мусорный контейнер нож – моё оружие. Снимаю с правой руки перчатку и тоже её выкидываю.

Всё. Опустошение.

Я знаю, что будет дальше.

Дальше она умрёт сама, изнемогая в конвульсиях, но я не буду плакать.

Мне остаётся ждать.

Ненавидеть.

Ждать.

–Всё.

–Что всё?

–А дальше всё было понятно. Я умела ждать.

–Что Вы ждали?

–Неизбежность.

ЭПИЛОГ НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Она приходит ко мне.

Смотрит молящим взглядом. Кричит взглядом. Под глазами синяки от невысыпания, или от худобы, или от дыхания истины. Она бледная, измученная, больная. Совсем другая. В ней нет красоты. В ней нет гармонии.

Интересно, бабочки, наверное, выглядят так же в последние секунды своей жизни: прощаются со своим великолепием.

Я знаю, зачем она пришла.

–Зачем ты пришла? – спрашиваю я.

–Пожалуйста, – начинает она. – Пожалуйста. Я не знаю, могу ли просить у тебя...Забери его...

Нет. Она не имеет права просить у меня.

Она говорит медленно. Я чувствую, как ей сложно даётся каждое слово. Она выглядит такой слабой, что мне кажется, она может упасть в любой момент. Тот ли это человек, которого я знала? Человек, с которым ты провела последние минуты.

Человек, которого я ненавижу. Человек, имевший чёткие принципы. Человек, который разрушал. Можно ли ненавидеть это болезненное, измученное существо?

– Я прошу тебя, – продолжает она, – забери свой взгляд. Ты оставила его. Забери истину, которую ты открыла мне. Я не в состоянии знать это. Я не могу спать. Освободи меня....

Она не может спать. Я знаю, что такое бессонные ночи.

Сейчас время для моей доброты.

Я должна протянуть ей руку.

Я должна понять и простить её.

Что я должна ещё?

Что я должна ещё?

Я не хочу быть доброй. Я не хочу жалеть её, успокаивать. Я не хочу давать ей надежду на счастливый конец. Всё предопределено, и я забываю свою доброту. Забываю легко. Боль выживает, вытесняет сердечность.

– Это можешь сделать только ты. Прошу. Я схожу с ума. Я вижу твою боль, она становится частью меня. Везде. Всегда. Крики в голове, – её голос дрожит. – Пожалуйста. Я устала. Прости меня. Верни спокойствие. Я не могу так жить. Я вижу твой взгляд. Он преследует меня...

Я смотрю на неё и улыбаюсь. Я чувствую, как мне становится легче. Словно с каждым её словом частица моей боли покидает меня.

Теперь у неё нет тишины.
Счастлива ли я в этот момент?

–Дай мне свои духи, – говорю я.
Она достаёт из рюкзака флакон и протягивает мне. Я беру его, заворачиваю в газету и выкидываю на кухне в мусорное ведро.

–Смени запах, – твёрдо произношу я.
–Хорошо.

Теперь у неё нет её запаха.
Счастлива ли я в этот момент?

–Что ты хочешь ещё? – спрашивает она.
Чего я хочу? Чего я хочу в момент, когда могу получить всё? Я могу уничтожить её. Я могу простить её. Чего я хочу?

К морю.

В ней ещё остаёшься ты. Я хочу, чтобы в ней не было тебя.

–Я хочу, – начинаю я, – чтобы ты отдала мне ваше время.

–Что? Время? – она слабеет, – а разве это возможно?

–Возможно. Последние минуты...Вы?

–Мы были... – начинает она.

– Нет, – останавливаю я её. – Вас не было. Были мы. Я и она. И танец наш.

– ...мы были...

– Нет. Вас не было.

– Мы...

– Нет. Вас не было. Ты слышишь? – мой голос твёрд и жесток, наверно.

Я не буду её жалеть. Я могу жалеть старика бездомного или «домного», но несчастного, глухого в своём бытие. Кто мне она, чтобы я была доброй? Она – человек, случайно, по воле судьбы, по жестокой воле судьбы, столкнувшийся со мной.

– Мы... – она плачет. Я вижу, как ей тяжело терять тебя. – Были...

– Нет. Ты путаешь, – тихо-тихо говорю я. – В последние минуты я была с ней. В зале (или это был не зал?), где никого кроме нас не было, играла музыка.

Мы бесконечно долго кружились в танце, улыбаясь друг другу. Музыка была в нас. Ля-ля-ля. Ля-ля. Ля-я-я. Ля-ля-ля. Ля. Ля-ля.

– Замолчи, – просит она.

– Видишь? Вас – не было...

– Не было... – читаю я по её губам.

– Что? – переспрашиваю я.

– Вы танцевали, – произносит она.

Я чёрствая. Чёрствый кусок чёрного, уже несъедобного, хлеба. Я жестокая. Я безжалостная. Я убийца. Я не боюсь признать это. Я не боюсь быть. Я пугаю её своим равнодушием.

Можно расслабиться, закрыть глаза. Можно даже забыть о том, что она сейчас стоит у меня в коридоре с протянутой душой, с мольбой, с криком о помощи. Можно забыть о ней. Помнить только наш танец и продолжать его. Отдаться музыке, звучащей где-то в моём сознании...

Шум моря. Волны спокойно поглощают друг друга, заканчивая свой путь на берегу. На берегу, где наши пятки оставляют вечные следы единения и созвучия...

Вот оно – море.

Я улыбаюсь. Мы танцевали. Я помню наш танец. Как горячий напиток во мне протекает «мы танцевали»...

Видишь, моя дорогая, теперь у неё нет тебя.

Счастлива ли я в этот момент? Да.

Теперь я чётко ощущаю в себе разделение счастья и ненависти. Они гармонично существуют во мне. Счастье доброе и тёплое. Улыбчивое. Ненависть тоже добрая, только чуть холоднее. Они защищают меня.

–Дай мне спокойствие...

Она встаёт на колени, опускает голову вниз и торопливо начинает:

–Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое,

да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Я слушаю её и, только из уважения к молитве, не останавливаю. Мне уже абсолютно всё рано, что она скажет. Во мне – нирвана.

Во мне – жизнь.

–...Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Аминь.

Она поднимает голову и смотрит на меня. Она сходит с ума.

– Я не Бог, – спокойно говорю я.

– Прости меня.

– Бог простит, а я...Я – не Бог.

18. 11. 2007 – сентябрь 2008

Письмо №...

Приближается осень. Я с тревогой жду этого периода, так как осенью всегда слишком грустно. Меланхолия. Цветные, а потом печальные деревья. Ты ведь помнишь осень?

Я стала приходить к тебе реже. Теперь лишь несколько раз в неделю. Мне кажется, тебе одиноко тут. А так хорошо знать, что есть я. Да, пусть хоть и живая, но верная тебе. Я остаюсь верной.

Недавно я была жестокой. Это был момент. Это была болезнь, но тебе не стоит этого знать. С тобой я всегда добрая.

Ты не плачь. Слышишь? Или мне мерещится? Или это шум ветра? Или сердце так громко стучит? Или это я плачу? Ты не плачь...

Я беру у сторожа раскладной стульчик и сижу рядом с тобой. Читаю тебе вслух разных поэтов. Когда заканчивается книга, я начинаю новую. Когда я замерзаю, мне приходится уходить.

А когда мы были детьми, мы не знали друг друга. Наверное, мы где-нибудь виделись. В парке аттракционов или просто на улице. Равнодушно проходили мимо друг друга, каждый в своём детстве, но нам не вспомнить эти встречи. Мы умели жить, не зная имён наших. Сейчас мне надо снова стать ребёнком, чтобы уметь.

И когда мы ушли из детства, мы вместе мечтали покататься на воздушном шаре...

*Тебя нет уже так долго,
а я живу.*

Я поднялась, подошла к ней и сняла повязку. Она ещё некоторое время сидела с закрытыми глазами.

–А я живу, – тихо повторяла она.

–...

–А я живу.

–...

–А я живу.

–Пойдёмте отсюда, – сказала я.

–Хорошо, – ответила она и открыла глаза.

Мы вышли с ней на улицу. Дождь уже закончился. Пахло свежестью.

–Запах свежести, – она глубоко вдохнула.

–Что Вы будете делать дальше?

–Я вернусь домой, сделаю себе чай. Потом лягу спать. Утром меня разбудит будильник, я пойду на работу. Вечером стоит зайти к одному человеку: я давно у него не была...

–Так просто? – перебила её я.

–Да, так просто.

–А как же то, что Вы мне рассказали?!
Она задумалась. Потом посмотрела мне в глаза. Этот взгляд. Спокойный.

–Знаете, я шла по улице в очередной раз погружённая...Погружённая.

Я увидела Вас в окне, подумала о том, что у Вас доброе лицо, ещё подумала о небе. Такие легкие мысли о Вас и о небе. Кажется, в этих мыслях нет ничего особенного...

Иногда тебе наступают на ногу, вот точно так же наступают моменты, когда человек понимает, что больше нет смысла в погружённости, когда хочется чего-то другого. Ты останавливаешься, оглядываешься и что-то решаешь. А что ты решишь – зависит от тебя. Просто настал момент, когда я поняла, что готова рассказать об этом. Рассказать от начала, которое казалось мне концом, до конца (а конец – он сейчас), который стал для меня началом. Рассказать, позволяя себе быть честной. А что такое позволить себе быть честной? Как часто мы честны? Не строить из себя героя. Не строить из себя жертву. Рассказать о жестокости, которая переполняла меня. Рассказать о своей боли, к которой моё сознание уже привыкло, но которую не стоит нести в себе. Рассказать, не скрывая свою слабость, ненависть. Уметь быть простой и детской. Рассказать это человеку, который не знает меня. И даже если Вы меня осудите, то это не имеет никакого значения. Рассказать и оставить. О-СТА-ВИТЬ, понимаете? – она улыбнулась.

–Я напишу о Вас книгу.

–Пишите...

Она не поверила мне.

–Вы мне не верите?

–Пишите, – повторила она.

Девушка сказала это обычно и просто, без какой-либо эмоциональной окраски. Ей было всё равно.

Мы ещё немного прошли, окружённые ночным городом, приятной прохладой. Потом она остановилась. Неожиданно.

–Дальше я пойду одна.

Чётко.

Так она скрылась за углом дома.

Так я осталась одна под впечатлением от услышанного.

Так я переживала услышанное ещё долгое время.

Так я написала о ней книгу.

Автор выражает благодарность:

Ане

за *знание истины* и за *гениальное начало*.

Вике

за *спокойное и счастливое время*, за *цельность
натуры*.

Бабушке

за *мужество, доброе сердце* и *ленинградскую
душу*.

А так же, отдельное спасибо тем, кто оказал
мне финансовую поддержку при создании
этой книги.

САША ДЭА

«ДЕВУШКА С ПОВЯЗКОЙ НА ГЛАЗАХ»

Издательско-полиграфическая фирма
«Реноме»

Редактор *Т.А. Голубева*
Корректор *Т.А. Голубева*
Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *А.В. Малышева*

ISBN 978-5-904045-15-9

Подписано в печать 14.10.08. Формат 70x100 1/32
Печать офсетная. Усл.- печ. л. 5,2. Тираж 150 экз.
Заказ № 15-9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»

197002, Санкт-Петербург, наб. Обводного кан., д. 40
Тел./факс (812) 766 05 66
E-mail: RENOME@comlink.spb.ru
www.renomespb.ru